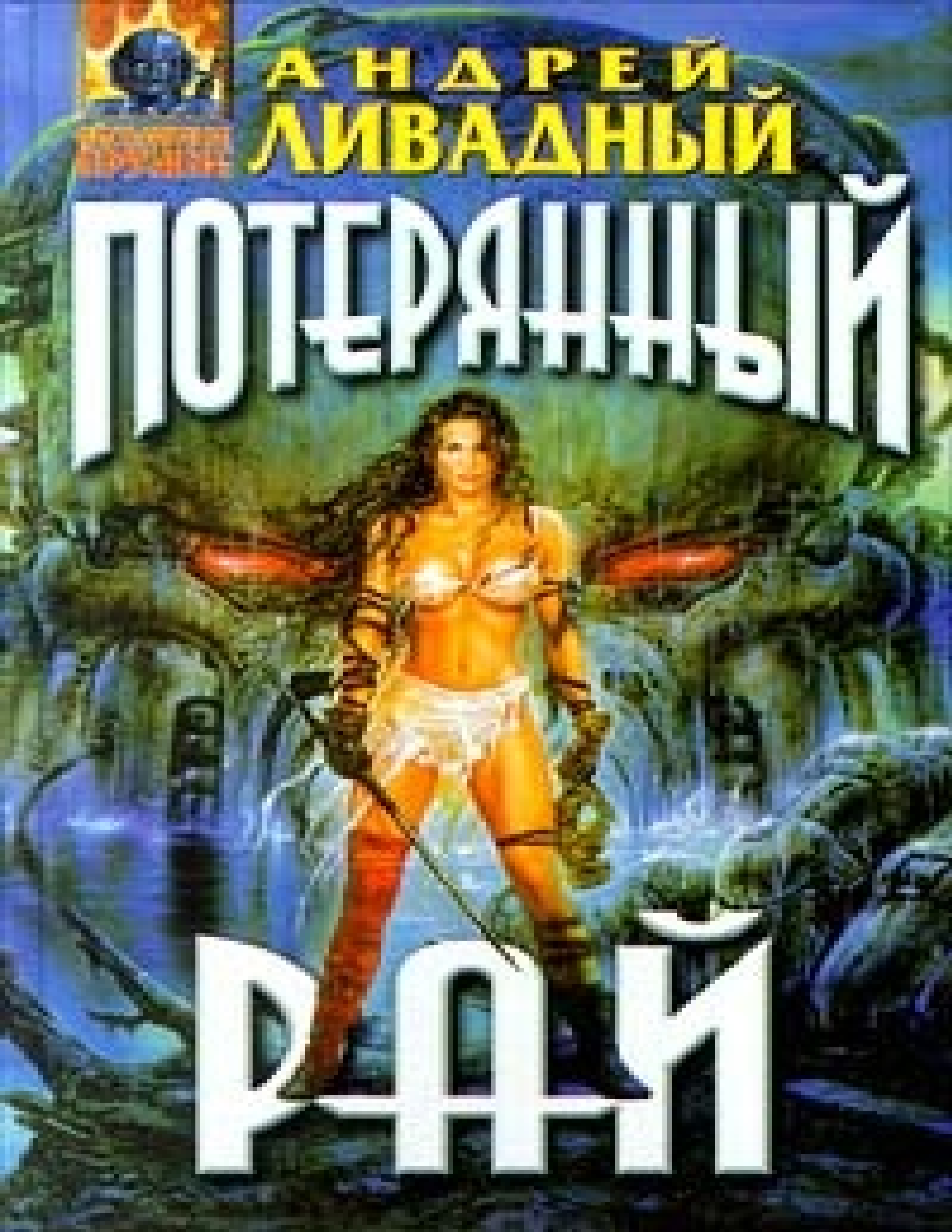
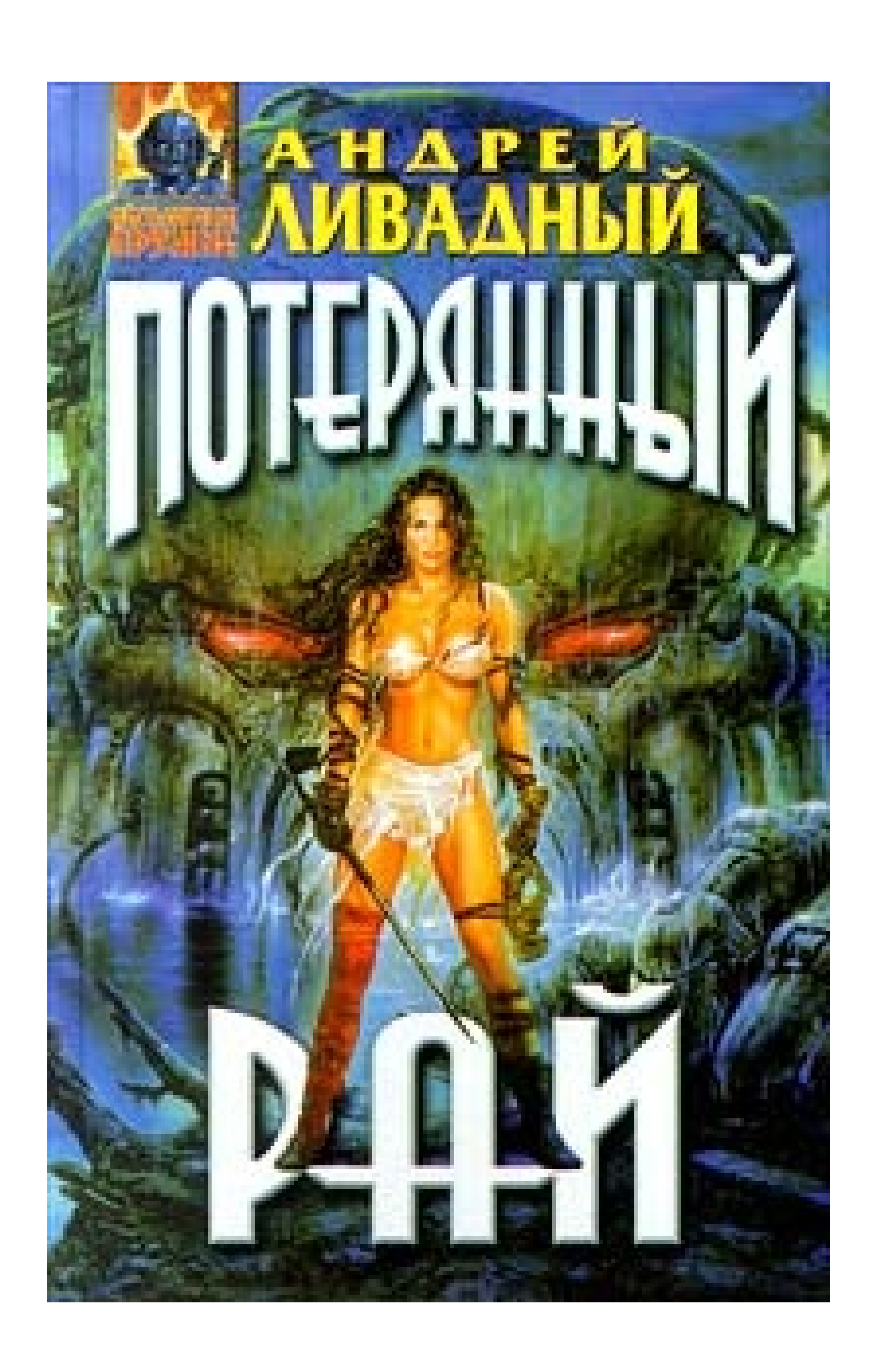

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ПОТЕРЯННЫЙ
РАЙ

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ПОТЕРЯННЫЙ
РАЙ

Андрей Ливадный

Знак Близнецов

Тем, кто не вернется из БЕЗДНЫ…

Глава 1. ЭКИПАЖ

Костер весело трещал, пожирая сухие ветки и озаряя небольшую поляну дрожащими сполохами света. Языки пламени рвались вверх и, словно забавляясь, выхватывали из мрака лица людей.

Пахло соснами…

Антон поднял с земли гитару и стал задумчиво перебирать струны, заворожено глядя в огонь. Стальные нити под его пальцами зазвучали, жалобно и тихо, вторя шуму ветра и шороху ветвей.

Светлана поежилась и придвинулась ближе к Андрею.

Он положил руку ей на плечо. Достал зажигалку, прикурил и глубоко затянулся. Языки пламени отражались в его зрачках, и огонек сигареты то разгорался, то угасал, освещая его лицо.

Ольга встала и посмотрела на собравшихся у костра.

— Ребята, кто идет купаться? — спросила она, собирая волосы в хвост.

Сергей исподлобья посмотрел на нее и, хмыкнув, отвернулся. Андрей задумчиво глядел в огонь.

Из окружающего поляну мрака вынырнула темная фигура. Виктор Берг вошел в свет костра. В руках он сжимал бумажный пакет.

— Оля, ты куда? — осведомился он.

— Купаться… — без энтузиазма ответила она, уже пожалев о своем предложении. Сергей сидел хмурый и ни с кем не разговаривал, думая о своем, а идти одной или в компании с Бергом ей не хотелось…

Казалось, воздух сгущается вокруг каждого из шестерых ребят, самому старшему из которых было чуть больше тридцати, образуя странные коконы отчуждения… Все они были такими разными, что собрать их вместе могли лишь необходимость и обстоятельства.

И все же они были одной командой, по крайней мере, формально.

Пальцы Антона сменили ритм движений, и гитара вдруг отозвалась резким, дрожащим аккордом…

Нам сказали, — вы боги…
И послали к чертям…
Покорять льдисто-звездные дали…
Но на этой дороге
Без конца и начал…

— Слушай, Антон, заткнись, а?!

Тот поднял голову.

— А что, Сереж? — Его пальцы вновь извлекали мягкие звуки, словно лаская струны. — Не нравится?

Сергей вздохнул, запахнув полы куртки, и угрюмо уставился в огонь.

— Действительно, «к чертям»… — произнес Андрей, повернувшись к Виктору. — Есть новости, Берг?

— Не-а…

…И закончится все
На задворках Вселенной…
Голос Антона окреп.
И чужие миры, с ярко-синей травой…

— Ну хватит! — Сергей внезапно вскочил и со злостью пнул ногой костер. — Надоело!

Тлеющие головни разлетелись по сторонам, тут же погаснув. Обнажился тусклый металл каркаса с прожилками оптико-волоконных кабелей, которые и были источником «пламени». Сергей с ненавистью посмотрел на это нехитрое приспособление.

— Чертов эрзац! — выдохнул он, переведя взгляд с псевдокостра на лица товарищей. — Ну что уставились? Так и будем сидеть вокруг ламп, воображая себя на Земле?! Сколько можно обманывать самих себя?! Мы потерялись! ПОТЕРЯЛИСЬ! — выкрикнул он.

— Ладно, Сережа, кончай истерику, — примирительно сказала Ольга, подбирая бутафорские пластиковые поленья.

— А ты бы шла поплескалась в своей луже! — Он схватил полено и со злостью швырнул его во мрак.

Раздался треск, и иллюзия исчезла, истаяла, словно несуществующий дым искусственного костра. Исчезли запахи и звуки, отключилась голограмма леса, мрак сменился ослепительным светом оранжереи. Вокруг, образуя стены и потолок относительно небольшого отсека, возвышались прозрачные гидропонные баки, где в мутной жиже плавали зеленые водоросли — один из существенных источников пищи и регенерации драгоценного кислорода.

— Чертов дурак!… – не выдержала Светлана.

Сергей застыл с очередным куском пластика в руках. Его лицо внезапно стало растерянным.

Антон отложил гитару и встал.

— Слушай, Серега, ты надоел! — угрожающе проговорил он, сверля

пилота холодным немигающим взглядом. — Сейчас получишь по морде и сразу поправишься. Говорят, хорошее средство при клаустрофобии!…

— Тихо! Не заводитесь! — Берг втиснулся между ними, примирительно подняв руки. — Друзья мои…

— А пошли вы все!… – Сергей оттолкнул Виктора и не оглянувшись выскочил из отсека.

— Молодец!… Испортил вечер и убежал… — грустно вздохнула Ольга.

Вечер действительно был испорчен, хотя и без этой сцены никто не чувствовал себя спокойно. Нервы у присутствующих были напряжены, и на молодых лицах нет-нет да и проскальзывала неуловимая тень страха и беспокойства.

— Так что, Витя? — Андрей встал. — Ничего нового?

— Определяемся… — вздохнул Берг. — Константин Эрнестович корпит в рубке. Весь зеленый уже…

— Короче, заблудились окончательно?

— Не знаю. Ядро Галактики. Какое-то шаровое скопление.

Андрей погасил окурок.

— Ладно, мне через полчаса на вахту, — проговорил он, посмотрев на часы. — Увидимся.

Антон посмотрел ему вслед и криво усмехнулся.

— Артист… А куда же мы денемся отсюда? — крикнул он Андрею. — Конечно, увидимся…

* * *

Константин Эрнестович Галанин, командир колониального транспорта «Кривич», тяжело переживал бремя своей ответственности. Ему уже было далеко за пятьдесят, и Галанин чувствовал, что его организм не справляется с теми нагрузками, которые выпали ему за последние несколько суток…

— Константин Эрнестович! — раздался за спиной голос навигатора корабля, Андрея Вербицкого.

Он потер красные от хронического недосыпания глаза и повернулся.

В рубке управления основного модуля «Кривича» было трудно пройти из-за переизбытка аппаратуры. Консоли управления, пульты, компьютерные терминалы громоздились один над другим, изредка перемежаясь экранами обзора и контрольными мониторами. Все это работало: лениво подрагивали стрелки индикаторов, вспыхивали и гасли искорки контрольных сигналов, автоматически щелкали переключатели,

тихо шуршали приводы дисководов и вентиляторы.

Вербицкий сидел за своей консолью. На экране перед ним сменяли друг друга какие-то графики и уравнения.

Галанин умудрился протиснуться между двумя блоками навигационной системы и сел в соседнее с Андреем кресло.

— Что у тебя, Андрюша?

Это отеческое отношение изобличало в нем человека пожилого и интеллигентного, и, глядя на усталое лицо командира, с отеками под глазами, чуть виноватой добродушной улыбкой, трудно было представить, что этот человек налетал больше пяти тысяч часов по Солнечной системе, участвовал в двух марсианских войнах и служил в спецвойсках…

— Взгляните, что я нашел! — проговорил Андрей, вместе с креслом отъехав от рабочей панели компьютера, чтобы командир тоже мог взглянуть на экран. Он достал сигарету и мял ее в пальцах, не решаясь закурить в присутствии Галанина.

Константин Эрнестович некоторое время критически разглядывал уравнения.

— Интересно… — наконец произнес он. — Но требует пояснений.

— Это доказательство нашей ошибки, командир, — твердо сказал Андрей, уже дважды перепроверивший результат. Он констатировал факт, и от этого ему было не по себе. — Мы вошли в гиперсферу в указанной точке, пробыли в ней ровно столько, сколько пробыл «Ванкор», но вышли Бог весть где, несмотря на полное совпадение векторов входа.

Он вздохнул и посмотрел на Галанина.

— Я искал разумное объяснение, — продолжил он, все-таки не выдержав и прикурив. Дым сизой струйкой потянулся к раструбу регенератора воздуха, но Константин Эрнестович, казалось, не обратил внимания на эту вольность.

— Ну, ну, продолжай, я слушаю.

— Так вот, я пришел к выводу, что причина в массе «Кривича», которая в шесть раз превышает массу «Ванкора». В соответствии с указаниями предшественников мы изначально настроили генераторы на напряжение в шесть раз большее, чем это делал разведчик. В этом была ошибка. Видимо, критическая энергия, необходимая для перехода в пространственную аномалию, должна была быть одинаковой в обоих случаях…

Галанин некоторое время смотрел на уравнения.

— «Ванкор», попав в гиперсферу, испытывал постоянное воздействие некоего энергетического поля с напряжением в двадцать единиц… — размышляя вслух, произнес он. — Наш показатель — сто семнадцать… —

Он повернулся к навигатору. — Создается такое впечатление, будто мы попали в какое-то иное пространство гиперсферы!

Андрей отрицательно покачал головой. Он уже обдумывал этот вопрос и пришел к определенному выводу.

— Немного не так, — ответил он. — Аномалия одна и та же, просто мы проникли в нее глубже, ровно в шесть раз. Отсюда и возрастание сопутствующего поля. По-видимому, его напряжение увеличивается пропорционально глубине проникновения в аномалию. Никто ведь толком еще не вывел теории гиперсферы, — напомнил он, вновь придвигаясь к компьютерной панели. — Мы разгоняемся до скорости света, а потом резко пытаемся пересечь этот потолок. Физика трехмерного космоса не допускает субсветовой скорости, и что?… Мы перестаем существовать в нормальном космосе и попадаем в область аномалии, где действуют иные физические законы. — Он нажал кнопку, и уравнения на экране сменились графиками. — Вот взгляните. Если бы мы затратили столько же энергии на переход, сколько затратил ее «Ванкор», то оказались бы у цели, а так…

— Мы оказались в шесть раз дальше!

— Почти, — кивнул Андрей. — Я понял приблизительно следующее: чем больше энергии тело затратит на субсветовой переход, тем глубже оно проникнет в аномалию, но при этом оно столкнется с большим напряжением сопутствующих полей…

— И тем меньше времени понадобится ему на преодоление определенного расстояния! — подхватил его мысль Галанин. Он подался к экрану, жадно разглядывая графики. — Но ведь из твоих расчетов следует, что с «глубиной» проникновения в гиперсферу время должно стремиться к нулю! Есть возможность мгновенного перемещения!

— Да, — ответил Андрей. — Но это будет слишком высокий энергетический уровень! Корабль сгорит!

— Ты хоть понимаешь, что происходит, Андрюша?! – Константин Эрнестович повернулся и посмотрел на Вербицкого. — Мы пишем историю! Законы гиперсферы!…

— Я понимаю, что мы заблудились, — покачав головой, проговорил Андрей. — И вряд ли когда-нибудь вновь увидим Землю, даже если каким-то чудом определим свое точное местоположение. — От собственных слов предательский холодок пробежал по спине навигатора Он мрачно взглянул на монитор и добавил: — Боюсь, что мы — «невозвращенцы»…

— Ну почему?! – взволнованно спросил Галанин. — Почему они так поступили, ведь на Земле не могли не догадываться… — Он внезапно осекся и замолчал.

Андрею страшно не хотелось продолжать этот разговор. Нужно было время, чтобы смириться, принять очевидное положение вещей и найти новые силы…

Конечно, на Земле догадывались. Гиперсфера была открыта совсем недавно, но сотни кораблей уже канули в ее глубины, в надежде на новую жизнь, райские планеты, простор…

Праматерь человечества, загаженная и перенаселенная, исторгла их в пучину неведомого, снабдив только неистовой надеждой. Крупицы знаний добывались по ходу дела, ценой великих потерь, и от мысли: сколько подобных «Кривичу» кораблей шагнуло в неизвестность — становилось по-настоящему страшно…

Собственно, Андрею сейчас было глубоко наплевать на уравнения и историю, — сердце навигатора сжимала мучительная тоска.

Надежда умирает последней…

Он устало сжал ладонями виски и отвернулся, чтобы не видеть этих цифр, которые командир назвал историей…

* * *

Через полчаса они собрались в центральном отсеке корабля.

Командир встал и осмотрел шестерых членов экипажа, расположившихся в креслах вокруг овального стола совещаний. Бледные, усталые, они пытались держаться, но получалось это не у всех. За напускным безразличием таился страх.

Лучше всех держался Антон Эйкон. Сержанту уже перевалило за тридцать, он успел отслужить в войсках ООН и имел боевой опыт пилота тактических кораблей.

«Идиотизм!…» — с необъяснимой злостью подумал Галанин. Он не сомневался в своем экипаже, напротив, Константин Эрнестович знал, что эти ребята, внешне такие разные, испуганные, сомневаются только до того момента, как грянет посланное им испытание. Они будут бороться, и не только потому, что на карту брошены их собственные жизни…

— Итак, не будем тянуть время, — произнес командир.

Приглушенный шум голосов моментально стих. Все повернулись.

— Нас семь человек — основных членов экипажа, — начал Галанин. — Ситуация сложная. Мы совершили прыжок через гиперсферу, полностью повторив маневры разведывательного корабля «Ванкор», но вместо Альфы Близнецов, в системе которой была обнаружена пригодная для жизни

планета, наш корабль по ряду причин оказался в неизвестной точке космического пространства. — Он откашлялся и потянулся к панели управления, щелкнув клавишей. На двухметровом обзорном экране появилось изображение, транслируемое с внешних видеокамер «Кривича».

Окрестный космос мало было назвать неизвестным. Такой картины воочию еще, наверное, не наблюдал ни один человек.

Море звездного огня. Десятки тысяч солнц были разбросаны вокруг колониального транспорта, они текли искрящимися лентами, сбегались вместе в плотные сгустки шаровых скоплений или же просто величественно полыхали в относительной близости от крохотного корабля людей.

Ближе всего к «Кривичу» расположилось огромное шаровое скопление — ослепительное ядро, в котором было невозможно различить составляющие его звезды, в окружении целого сонма отдельных ярких пылинок, часть из которых за два последних дня приблизилась, и отдельные звезды начали отрываться от общей массы, разбегаясь в разные стороны, по мере того как колониальный транспорт входил в границы этого великолепного звездного сообщества.

— Нам крупно повезло, что судьба забросила нас именно сюда… — продолжил командир. — По некоторым признакам можно предположить, что мы вышли в трехмерный космос у одного из периферийных шаровых скоплений ядра Галактики. — Он молча прошелся вдоль экрана, — три шага до одной стены, разворот и столько же обратно. — Все вы знаете, какой груз на борту «Кривича», и потому должны понимать — операцию «Знак Близнецов» никто не отменял. Промах сделал задачу более трудной, но нужно смотреть на это без паники. Я понимаю, какой удар для вас, и для меня тоже, тот факт, что «Кривич» не в состоянии совершить обратный прыжок. Даже если бы мы пришли к такому сумасшедшему решению, то не смогли бы его реализовать. Во-первых, нам неизвестны координаты точки выхода из аномалии, а во-вторых, активного вещества на прыжок с полными грузовыми и анабиозными модулями у нас попросту не хватит. Обратной дороги нет, и нам вольно или невольно придется принять именно такое положение вещей.

Он замолчал, давая им время усвоить сказанное, а затем продолжил ровным, твердым голосом:

— Мы должны отыскать пригодную для колонизации планету, разгрузиться, высадить колонистов, и только тогда мы сможем начать поиск путей возвращения домой. Уравнения, выведенные Вербицким, дают некоторую надежду на то, что в конце концов удастся определить

координаты Земли и совершить удачный обратный прыжок, но лично я склонен относиться к этому как к перспективе далекого будущего. Реально же ситуация такова — при полной загрузке анабиозных модулей энергетических ресурсов корабля хватит на пять стандартных месяцев. Поэтому кислородная планета — это не просто наш долг перед ничего не подозревающими людьми, она и наше с вами спасение. Третьего, увы, не дано: либо мы найдем ее, либо погибнем.

У Сергея вырвался сдавленный, непроизвольный вздох.

Берг судорожно сглотнул. «Говорила мне мама, — не ходи, сынок, в армию», — с тоской подумал он.

— Постойте, Константин Эрнестович, как же так?! – не выдержав, запротестовала Светлана. Ее лицо побледнело. — Нам ведь говорили, что трасса проверена «Ванкором»!…

«Обратной дороги нет…» Эти три слова таили в себе страшный смысл.

Дело в том, что основной экипаж «Кривича» не относился к категории «колонистов». Никто из шестерых ребят, за исключением разве что Антона, никогда не собирался оставаться в дальнем внеземелье больше, чем того требовали условия полета… Все они так или иначе не были готовы к подобному повороту событий, хотя подспудно, еще на Земле в период подготовки, каждый из них ощущал искусственный информационный вакуум вокруг вопросов о судьбе их предшественников…

Гнетущая тишина, слишком затянувшаяся после вопроса, заданного Светланой, внезапно была нарушена Антоном.

Он встал, хмуро посмотрел на собравшихся и проговорил:

— Давайте рассуждать здраво. То, что сказал Константин Эрнестович, — голая правда, без всяких прикрас. Она горька, но в нашей ситуации лучше не тешить себя иллюзиями относительно будущего. В нашем распоряжении слишком мало времени, чтобы позволить себе душевные муки и моральный разброд.

— Черт побери, Антон, перед стартом мы подписывали контракты, где четко оговорена ответственность сторон! Нас уверяли, что маршрут безопасен!

— Сергей, ты что, малый ребенок? — Эйкон насмешливо прищурился и посмотрел на кибернетика. — Неужели ты не видишь разницы между пропагандой и статистикой? Нам по двадцать четыре часа в сутки пели о райских планетах, а сколько кораблей, подобных нашему, вернулись обратно?

Никто не ответил. Все было слишком очевидно. Аргумент про задержку времени в условиях аномального полета оказался мыльным пузырем.

Корабли не возвращались только потому, что не могли найти дорогу назад…

— Что такое гиперсферный полет? — продолжил Антон. — По-моему — это «русская рулетка», чистейшей воды. Шансов вернуться назад — ноль целых, фиг десятых! Никто еще не вывел более или менее жизнеспособной теории гиперсферы, и потому каждый первый корабль — это потенциальный невозвращенец. И мы не исключение, а лишь частность, продолжение общего списка! — жестко заключил он.

— И ты полетел? — глухо спросил Берг.

— А что?! – встрепенулся Антон. — Да, полетел! Только я с самого начала смотрел правде в глаза, а ты — нет! Гораздо приятнее жить в сладкой надежде: вот вернусь, получу кучу денег… — в голосе сержанта прорвалось раздражение. — Ты знал, на что шел, выбирая альтернативную службу. Так что нечего теперь закатывать истерики!…

Константин Эрнестович, не принимавший участия в споре, сидел за столом сцепив пальцы и слушал. Все, о чем говорил Антон, было правдой, нравилась она кому-нибудь или нет… К сожалению, двадцать пятый век от рождества Христова выдался далеко не лучшим в развитии Человечества. Можно было даже сказать больше, — к 2217 году Солнечная система оказалась на грани тотальной катастрофы. Перенаселение Земли поставило цивилизацию на грань самоуничтожения. От него не спасла ни колонизация Марса, ни постройка внеземных городов-станций, ни запоздалые законы о контроле рождаемости, принятые уже после демографического взрыва начала века.

«Планету спасет только пятая мировая война!» — так заявил Ред Новак, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, прежде чем подать в отставку.

К сожалению, он был не так уж далек от истины. Такой плотности населения и катастрофического падения уровня жизни во всех без исключения странах еще не было в истории Земли, и пятая мировая уже вставала над человечеством тяжким призраком, когда Иоганн Иванов-Шмидт сделал свое открытие…

Сейчас Галанин отчетливо видел, насколько бездарна, лжива и порочна была колониальная политика Всемирного правительства, попросту превратившего совершенно неизученное явление в некий предохранительный клапан в паровом котле цивилизации, через который в неизвестность утекала самая отчаянная часть Человечества… Лицензии на постройку колониальных транспортов были отданы всем желающим фирмам, межзвездные корабли в условиях экономического кризиса росли

как грибы после дождя. Этот способ зарабатывания денег оказался в какой-то момент даже прибыльнее торговли оружием. И только ООН как-то пыталась если не сопротивляться этому колониальному безумию, то хотя бы немного смягчить участь отправляющихся в бездну кораблей, комплектуя их своими экипажами из ребят, избравших альтернативную службу и прошедших специальную подготовку в учебных центрах ООН. Если бы не они, а дилетанты из бывших пилотов коммерческих авиалиний садились за консоли управления колониальными транспортами, то он не дал бы и ломаного гроша за жизни сотен тысяч людей еще до погружения кораблей в гиперсферу.

Галанин поднял глаза и посмотрел на свой экипаж. Эти ребята, сами того не ведая, оказались вовлеченными в чудовищный обман, но они справились, и теперь на окраине Вселенной триста тысяч человеческих жизней, замороженных в криогенных модулях «Кривича», по-прежнему оставались именно в их руках…

— Да, ребята… — негромко произнес он, оборвав разгоревшийся спор. — Шансов вернуться у нас практически нет… Но разве мы не совершили прыжок? — спросил он. — Разве нам не повезло? Могло случиться намного хуже, окажись «Кривич» в районе с меньшей звездной плотностью. Здесь, — он указал на обзорный экран, где застыла картина пролитого во мраке космоса звездного огня, — у нас есть реальный шанс отыскать кислородную планету с подходящими условиями для жизни.

— Вы предлагаете найти иголку в стоге сена? — вырвалось у Сергея. Тысячи царящих вокруг близких солнц наводили на него дрожь.

— Я предлагаю каждому выполнить свой долг, — твердо ответил Константин Эрнестович. — Прежде всего я говорю о человеческом долге перед теми, кто доверил нам свои жизни. Мы должны отыскать кислородную планету и только тогда будем решать, что нам делать дальше. Все понятно?

— Яснее ясного… — кивнул Антон.

В отличие от других членов экипажа, Эйкон обладал одним очень ценным на данный момент качеством — он твердо представлял, чего хочет от жизни. Во время службы в космической бригаде ООН он понял, что цивилизация зашла наконец в прочный тупик и ему, сержанту военно-космических сил Антону Эйкону, нечего делать на умирающей Земле. Жизнь там была отвратительна и лишена всякого смысла. Другое дело — космос. Здесь все на пределе, и сильный, хорошо подготовленный член экипажа — это всегда личность, а не один из миллиардов…

— Так, — он встал и повернулся к собравшимся. — Андрей, ты с

Ольгой займешься звездным окружением, — распорядился он. — Вы — навигаторы, так что давайте, нам нужен список наиболее перспективных звезд и пути подлета к ним для разведывательных модулей.

Вербицкий кивнул. Что уж… Настала их очередь.

— Светлана, — Антон повернулся к биологу. — Тебе в помощь даю Виктора, вы займетесь криогенными модулями. Нам нужна помощь, так что придется пробудить руководство колонии. Константин Эрнестович даст список с указаниями. Сергей, теперь ты. — Антон исподлобья взглянул на кибернетика. — Займись проверкой планетарной техники и трех разведывательных модулей. Смотри, чтобы радиомаяки были настроены на частоту «Кривича», и вообще, чтоб вся электроника работала чики-чики, понял?

Он дождался, пока Сергей кивнет, и подытожил:

— Тогда если нет вопросов, то за работу. Встретимся за ужином.

Они молча встали. От командира и его помощника не укрылось подавленное настроение экипажа. Ребята расходились, стараясь не смотреть друг на друга, и в выражении их лиц присутствовала обреченность.

Константину Эрнестовичу хотелось надеяться, что это временно и период адаптации будет недолгим. Каждому из них нужно было дать хоть немного времени свыкнуться с мыслью о невозможности возвращения на Землю.

Времени, которого у них попросту не было…

Отсек опустел.

Галанин подошел к Антону и положил ему руку на плечо. Сержант вздрогнул и, повернувшись, вопросительно посмотрел на командира.

— Мне кажется, у нас будут трудности.

— В чем дело, Константин Эрнестович?

— Я запрещаю будить все руководство колонии.

— Но нам потребуется помощь! — запротестовал Антон. — Хотим мы этого или нет, но придется будить специалистов для исследования избранных планет.

— Я понимаю, что этого не избежать. Но мы не можем действовать наобум. Ты знаешь кого-нибудь из них?

— Нет…

— Вот и я не знаю… — вздохнул командир. — Поэтому и опасаюсь их реакции на наше сегодняшнее положение. Знаешь, Антон, что нужно сделать? Наглухо запечатай бортовой арсенал, заблокируй шлюзы посадочных модулей и все кодовые замки переведи на наши с тобой

пропуска.

— Сделаю, — кивнул Антон. Он присел на край стола и взглянул на командира. — Константин Эрнестович, а вы знали обо всем перед стартом?

— Догадывался… — Галанин виновато улыбнулся. — Конечно, забыть о Земле невозможно… но я рад, что оказался тут, — внезапно признался он. — Понимаешь, Антон, мне уже далеко за пятьдесят. Это мой последний шанс сделать что-то значительное. Дать людям новую родину… Если повезет, то проведу свою старость под чистым, открытым небом, без смога и толкотни.

— Так вы исключаете попытку возвращения?

— Нет. Но пока рано говорить об этом.

— Ну ладно… — Антона смутила откровенность командира. — Пойду…

— Проверь комплектацию посадочных модулей, — напомнил Константин Эрнестович. — И смотри, поосторожнее с Сергеем. Я чувствую, он тебе не очень нравится, но он — парень неплохой. Не забывай об этом, Антон.

* * *

Если бы Андрею Вербицкому задали вопрос о том, как он попал на борт «Кривича», то, наверное, он не сразу бы нашелся, что ответить. Действительно, как? У него никогда не возникало желания покинуть Землю, и его назначение на колониальный транспорт было скорее последним звеном целой цепи обстоятельств, чем осознанным волевым решением.

А началось все с того, что в двадцать три года он остро почувствовал собственную никчемность.

Это неожиданное открытие неприятно его поразило. Собственно, тучи на жизненном горизонте Вербицкого сгущались давно, еще с той поры, как он окончил общеобразовательный курс и начал вести самостоятельную жизнь, — просто долгое время он не придавал значения смутному беспокойству и неудовлетворенности, что жили внутри его сознания. Возможно, он попросту побаивался открыть глаза и увидеть окружающий его мир именно таким, каков он был на самом деле.

И все же этот момент прозрения наступил. Андрея никогда не угнетал его достаточно низкий социальный статус обыкновенного рабочего на производстве, но, видимо, его потенциальные возможности выходили

далеко за рамки унылой производственной деятельности. Беда всех времен и народов, когда люди умные, способные к анализу и широкому абстрактному мышлению волею обстоятельств попадают в узкие рамки жизненных ограничений.

Андрей, сам того еще не подозревая, относился именно к той категории людей, уделом которых была неординарная судьба, будь то блестящая научная карьера или же дерзкий в своей черной гениальности преступный промысел, так или иначе, все эти люди резко диссонировали с массой «среднестатистического Человечества». Их объединяло только одно общее качество — они без иллюзий смотрели на мир, прекрасно отдавая себе отчет в том, что происходит вокруг и каковы причины происходящего.

Короче говоря, в двадцать три года Андрей Вербицкий почувствовал некий моральный предел. Перспектива, ожидавшая его в дальнейшем, не отличалась оригинальностью, это была серая, никчемная жизнь, средняя зарплата, однокомнатная квартирка, стандартный набор удовольствий и медленная деградация. Поначалу он сопротивлялся возникшему чувству, списывая все на очередной приступ хандры в конце рабочей недели…

«Но для чего я живу?» Задав себе этот вопрос, Андрей прямо-таки обалдел от его глобальности. «Сходи развейся… — посоветовал живущий внутри каждого человека голос. — Погуляй, послушай музыку, выпей…»

Стоп… Было!

«Так кто же я такой и зачем нужен на этом свете? Винтик в гигантской машине Человечества? Кусочек смазки, попавший меж шестернями Цивилизации? А что представляют из себя эти шестерни и на кого они работают?…»

Он ни с кем не делился своими мыслями. Ровно год он по-прежнему исправно ходил на работу. «Чего мне не хватает? — размышлял он. — Перенаселение?… Ну и что?… Я еще молод, не голодаю, работаю, со временем куплю машину…»

Ему вдруг стало настолько тошно от собственных мыслей, что он едва не сплюнул.

«Неужели это все, ради чего я живу?…»

Последней каплей явилась повестка. Обязательная военная служба в войсках ООН. Почетное право и обязанность каждого гражданина, достигшего двадцатичетырехлетнего возраста, физически здорового и умственно полноценного.

В принципе он не имел ничего против службы, но Андрея доконала воинская медицинская комиссия. Вот уж где он почувствовал себя уже не смазкой, а песчинкой, сдавленно скрипнувшей на зубах огромной машины.

«Подними ногу… Нет… Молчать… Делай, что тебе говорят!… Некогда!… Ты никогда не слышал внезапно возникающий из ниоткуда голос?… Тебе снились странные сны?… Как ты относишься к пошлым анекдотам?…»

Именно тогда он с отвращением и растерянностью понял, что ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ НИХ!

Люди были нормальны, пока развивались. Теперь же все. Крышка. Полностью автоматизированные производства. Одинаковые моральные ценности. Все мыслимые виды задекларированных свобод, которые невозможно реализовать либо из-за неимоверной плотности населения и тотального падения уровня жизни, либо из-за надуманности и никчемности этих самых свобод…

Люди не предназначены для этого. Андрей всем своим существом чувствовал, что его судьба, как судьба миллиардов других, не знакомых ему людей, должна быть совершенно иной.

И он выбрал альтернативную службу, потому что выхода не было. Ему, по складу характера, было некуда выплеснуть накопленный и нерастраченный потенциал. Погибнуть в локальной войне среди ледяных спутников Юпитера ему вовсе не улыбалось; быть мещанином, битником или наркоманом он тоже не хотел.

Вот так спонтанный порыв, вызванный неудовлетворенностью, привел его сначала в класс космической навигации учебного центра ООН, а затем на «Кривич».

Он хотел получить чуть-чуть свободы, а не возможность подохнуть в неизвестном космосе, в тридцати или сорока парсеках от Земли. Или это была единственная, дарованная ему свобода?

Или это тот самый шанс почувствовать себя ЧЕЛОВЕКОМ?

Андрей отставил чашку с остывшим кофе, погасил сигарету и повернулся к навигационным панелям компьютера. Короткая передышка в работе лишь разбудила не нужные сейчас воспоминания. «Что толку анализировать свою прошлую жизнь?» — подумал он, вызывая на монитор список необходимых для работы программ. Вокруг по-прежнему царили тысячи близких солнц, и он был обязан отыскать ту самую иголку, о которой говорил Сергей…

* * *

Светлана и Виктор шли по коридору, соединяющему основные отсеки

«Кривича» с отделяемой частью корабля, где как раз и находились криогенные залы, грузовые палубы и вспомогательные двигатели. Они непринужденно разговаривали. Витя изредка поглядывал на биолога, и она краем глаза ловила эти взгляды.

Колониальный транспорт «Кривич» был двухкомпонентной конструкцией и при взгляде со стороны очень сильно смахивал на паука, охватившего лапами чудовищных размеров яйцо. Собственно, «Кривич», или «основной модуль», как он именовался в спецификациях, имел относительно небольшие размеры. Львиную долю его объема занимали двигатели, энергетические установки и масса приборов. Для людей тут оставался минимум места. Снизу к приплюснутому брюху «паука» крепилась двухкилометровая бронированная сфера, покрытая тончайшей зеркальной пленкой. Это был спускаемый модуль колониального транспорта. От места их соединения вниз по поверхности «яйца», охватывая его, словно членистые лапы, тянулись двенадцать утолщений. Каждое из них оканчивалось ходовой секцией двигателей. Свободное от трубопроводов пространство в «лапах» было отдано пяти разведывательным кораблям и другой планетарной технике.

Светлана и Виктор как раз преодолели переходной шлюз между основной и отделяемой частью «Кривича» и оказались внутри «яйца». Это придуманное на Земле сравнение было в некотором смысле символично, потому что большую половину внутреннего пространства сферы занимал разделенный на секции криогенный зал.

С тихим чавканьем пневмоуплотнителя люк всосался на место, и на мгновенье они оказались в кромешной тьме, в которой, как звезды, горели далекие искорки дежурных ламп.

В следующий момент сработала автоматика, и первая секция криогенных камер осветилась, на ближайшем мониторе вспыхнули какие-то данные, а по решетчатым стенам обозначились мигающие зеленым стрелки указателей направлений.

Центральный коридор зала, начинаясь под их ногами, уходил во мрак. Решетчатая, гулкая дорожка в никуда, огороженная низкими сварными перильцами. По обеим сторонам — бесконечные ряды камер низкотемпературного сна, в каждой из которых лежал колонист… Первое впечатление от этого зала у всех было практически одинаково — наспех сваренная усыпальница…

Триста тысяч человек плюс полное оборудование колонии — таков был груз «Кривича», о котором упоминал Галанин.

— Господи… — Светлана непроизвольно передернула плечами,

выстукивая запрос на клавиатуре. — Я просто боюсь этого зала, — призналась она. — Тут чувствуешь себя, как в морге…

Виктор прошел несколько метров по гулкому решетчатому полу и с любопытством заглянул через колпак ближайшей камеры. Ему еще не приходилось бывать в подобного рода помещениях…

За толщей прозрачного пластика лежала женщина лет тридцати. Ее привлекательное лицо с заострившимися чертами было белее снега. Путаница проводов, датчиков и шлангов, оплетавших пластиковое ложе, почти не скрывала форм обнаженного тела.

— Хладна, как труп, твоя краса… — продекламировал он, отступив назад.

— Твои? — спросила Светлана.

Берг кивнул. На земле его считали оригиналом. Стихи он писал сколько себя помнил, но в своем кругу он больше прославился формами декламации. Любимым занятием молодого поэта было в разгар веселья смахнуть все со стола и, взгромоздившись на него, под растерянными взглядами или же среди одобрительного гогота, влепить всем в лоб пару своих четверостиший…

— Люблю стихи, — сказала Светлана, закончив набор. — Некоторое время назад даже пыталась сочинять.

— Мой дед называл меня «дерьмовым футуристом», — ответил Берг, присев, чтобы прочесть фамилию и имя, выгравированные на постаменте криогенной камеры.

— А кто был он сам? — спросила Света, пытаясь определить нужное направление по светящимся стрелкам.

— Неокоммунист.

Она улыбнулась.

— Ты не похож на внука «борца за справедливость».

— Я анархист по убеждению.

— Даже так? — удивилась она. — А я, честно говоря, думала, что у тебя нет идейных убеждений.

Он усмехнулся, но ничего не ответил. Пусть думает что хочет. Ему нравилось оригинальничать и чувствовать себя в центре внимания, где бы это ни происходило, хоть у черта на рогах.

Светлана сверила полученный от командира список с показаниями монитора и сказала, взяв Виктора под руку:

— Пошли, первая камера — два яруса вверх и влево по коридору.

Они шагнули во мрак, первая секция послушно погасла, зато вспыхнули огни следующей. Как будто во мраке ползла неторопливая огненная змея,

выискивающая свои жертвы.

Глава 2. ТРИ ПЛАНЕТЫ

Пять суток спустя центральный отсек колониального транспорта уже едва мог вместить всех, кого вызвал Галанин.

Константин Эрнестович смотрел, как люди входят группами по двое или трое, но чаще поодиночке, и сосущее чувство тревоги все разрасталось, временами становясь совершенно непереносимым.

Он еще кое-как мог отвечать за собственный экипаж, но около трех десятков совершенно незнакомых мужчин, вырванных из ледяного мрака криогенных камер, внушали ему вполне обоснованные опасения. Кто мог поручиться за их реакцию, глядя на эти угрюмые лица и глаза, в которых застыло раздражение и масса вопросов, на большинство из которых отвечать придется уже им самим.

Он заметил, как Антон и Андрей с разных концов салона протиснулись ближе к нему, и испытал некоторое облегчение. Все же экипаж, пусть и не спаянный длительной совместной работой, у него был…

Он откашлялся и повернулся к собравшимся.

Первые слова командира «Кривича» были встречены ледяным молчанием.

От взгляда Галанина не укрылось, как потемнели многие лица при словах о невозможности возвращения. Он ждал чего угодно: паники, гнева, ругательств, но только не этой напряженной, гнетущей тишины.

— Какого черта?! – наконец не выдержал смуглолицый парень во втором ряду. Константин Эрнестович, хоть убей, не помнил его имени. — Нам обещали кислородную планету в системе Альфы Близнецов!

— Те, кто давал подобные обещания, остались на Земле, молодой человек, — спокойно возразил Галанин. — Я же не помазанник Божий, и даже не представитель той компании, которая построила этот корабль, и в который вы все вложили свои деньги, чтобы иметь возможность вырваться с Земли, — напомнил он. — Я и мой экипаж находимся в равной с вами ситуации…

— Да плевать на ваши ситуации!…

Зал загудел. Казалось, кто-то спустил сжатую до предела пружину, и наполнявшие его люди мгновенно разделились на две группы: разобщенные орущие одиночки разных национальностей и цветов кожи и молчаливая компания из пятнадцати шведов. Их лица не излучали

приветливости, но по крайней мере они не орали и не размахивали руками, искоса поглядывая на своего лидера, Уго Ургейма, словно в ожидании условного сигнала.

— Тихо! — рявкнул Антон, на мгновенье перекрыв шум.

Гул голосов оборвался.

— Кто из вас не согласен помогать в поисках планеты, может вернуться в криогенный модуль! — воспользовавшись относительным затишьем, твердо произнес Галанин.

— Черта с два! — выкрикнул чей-то голос. — Меня вы обратно в холодильник не засунете!

В центре зала возник короткий водоворот тел.

— Я сейчас засуну тебя в шлюз и откачаю воздух! — проговорил Ургейм, сжимая в кулаке воротник побледневшего техника. За его спиной, словно по команде, поднялись четырнадцать парней, рядом с которыми оказались Андрей и Антон.

В отсеке вновь повисла гробовая тишина.

Галанину казалось, что стук его сердца слышат в этот момент все присутствующие.

— Продолжайте, капитан! — Уго отпустил воротник, и техник медленно опустился на стул, опасливо косясь на внушительную фигуру Ургейма.

Похоже, вопрос субординации на некоторое время был решен.

— Прежде чем разбудить вас, мы провели определенную работу, — проговорил Константин Эрнестович, благодарно кивнув шведу. — И теперь мы знаем, что почти каждая пятая звезда этого скопления должна иметь планетные системы. Путем исключения светил, отличающихся по спектру излучения от нашего Солнца, мы существенно сократили список кандидатов, но все равно их осталось слишком много, так что можно определить лишь общие направления для трех разведывательных кораблей. У нас очень мало времени и ресурсов. Поэтому на экипажи разведчиков падет громадная ответственность за жизни тех, кто останется здесь, на борту «Кривича».

Он поднял глаза, ожидая новых взрывов эмоций, но их не последовало.

— Связи с базовым кораблем у вас не будет, — продолжил он. — Каждый разведывательный корабль оснащен всем необходимым, имеет автономный посадочный модуль, где есть все, начиная от оружия и кончая замороженными эмбрионами животных и семенами растений. Оборудование, соответственно, на уровне.

Он вновь обвел долгим взглядом эти угрюмые, растерянные лица и

внезапно сказал:

— Мне, собственно, нечего больше добавить, кроме технических подробностей, которые мы будем обсуждать отдельно. Каковы бы ни были причины сегодняшней ситуации, выбора нет, и наши жизни в наших же руках…

— Ладно!… – Уго Ургейм повернулся к собравшимся, рубанув ладонью воздух. — Мы будем искать эти чертовы планеты!

Константин Эрнестович нахмурился.

— Я буду вынужден оставить первого пилота и навигатора на базовом корабле, — произнес он. — Так что третий разведчик будет полностью укомплектован вашим летным составом.

Молодой швед, сидящий рядом с Ургеймом, поднял голову и проговорил, тщательно подбирая слова на интерангле:

— Меня зовут Курт Серхенсон. — Он непроизвольным жестом потер подбородок. — Я думаю, что мы справимся. У меня есть удостоверение пилота спускаемых аппаратов. Двое из нашей группы имеют аналогичную подготовку.

— Я окончил высшую школу навигаторов! — раздался голос из задних рядов.

Галанин кивнул. Он прекрасно знал, кто из них имеет какую подготовку, ведь он сам составлял «список на пробуждение», и, как видно, не ошибся ни в Ургейме, ни в парнях из его команды. Впрочем, в остальных тоже. Им нужно дать немного времени пообвыкнуться с мыслью о своем новом положении.

— Хорошо. В таком случае я больше никого не задерживаю.

Эти слова, такие будничные в другой обстановке, для тридцати мужчин, едва пришедших в себя после криогенных камер, прозвучали как приговор.

Не было ни вопросов, ни выкриков, ни жестикуляции.

Все. Словно поставили жирную точку. Назад пути нет. Впереди неизвестность. Помощи не будет.

Тишина казалась вязкой и осязаемой. Люди смотрели друг на друга, и никто не решался встать первым. До них внезапно дошло, что все, к чему они привыкли на Земле, — законы, права, требования, деньги, — все уже несущественно, утратило силу и кануло в прошлое. Остались только они и Космос.

Уго Ургейм поднялся первым и оглядел притихший зал.

— Ну?… – проговорил он на интерангле. — Чего приуныли?! Вперед, парни, покажем, чего мы стоим! Если нас не могут толком доставить на обещанную планету, так мы сами найдем себе новую родину!

Мужчины нестройно встали, словно признав неоспоримое лидерство могучего шведа, и потянулись к выходу. Их лица были бледны и угрюмы, но в них уже не сквозила та злоба и обреченность, с которой они входили сюда полчаса назад.

— Ургейм, задержись, — попросил Галанин.

Уго остановился в дверях и вопросительно посмотрел на капитана «Кривича».

Константин Эрнестович на мгновенье замялся.

— Я хотел… В общем, спасибо…

— Да ладно, капитан, — широко улыбнулся Ургейм. Казалось, оптимизма у него хватит на весь экипаж. — Должен же я был подбодрить парней! А мы с тобой обойдемся и без поддержки, верно?… – он ткнул Галанина кулаком в плечо и подмигнул. — Действовать надо напористо, пока никто толком не успел подумать и по-настоящему испугаться. Верно говорю, Галанин?!

* * *

Колониальный транспорт «Кривич» висел в пространстве, сверкая в лучах бесчисленных звезд зеркальной поверхностью «яйца», где в холоде и беспамятстве сверхглубокого сна застыли в ожидании новой родины триста тысяч непрожитых человеческих судеб…

Никто не знал, что ждет их впереди.

Внезапно по поверхности паукообразного основного модуля пробежала волна огней, и три из десяти обнимающих сферу вздутий начали раскрываться. Покрывающие их бронеплиты дрогнули и разъехались в стороны, открыв свету звезд обтекаемые контуры трех разведывательных кораблей. Огромные телескопические краны-манипуляторы, управляемые бортовым компьютером «Кривича», подняли их из гнезд и вынесли тысячетонные конструкции далеко в космос.

Быстро возникла и закончилась разноголосица предстартовой радиосвязи, и три новых рукотворных солнца вспыхнули в звездной бездне.

На борту транспорта, в тесной ходовой рубке, трое членов экипажа долго сидели у экранов, провожая их взглядом, пока яркие сполохи двигателей не затерялись среди звезд.

* * *

Спустя пять суток первый десантный модуль вошел в гравитационное поле избранной планеты.

Тесную кабину пилотов от основных отсеков отделяла лишь полупрозрачная пластиковая перегородка, да и та была в этот момент наполовину опущена, и это здорово мешало Ольге сосредоточиться.

Это был ее первый настоящий разведывательный вылет.

Она застыла в кресле навигатора. Мысли путались от показаний десятков приборов, но этот сумасшедший швед был неумолим. Времени нет. Никаких предварительных маневров. Вперед! — приказ такой емкий, как удар палкой по голове. «Господи, какой он тупой, мускулистый и шумный!… – раздраженно подумала Ольга. — Да и его гопники ничуть не лучше… Прямо раздевают глазами!…» Она невольно покосилась через плечо на исследовательскую группу из семи колонистов. В полной гермоэкипировке, пристроившись меж контейнерами с оборудованием и противоперегрузочными креслами, они умудрялись играть в карты, то и дело разражаясь хохотом, словно корабль и не падал навстречу незнакомой планете. Оптимисты чертовы… Ну, я вам устрою посадочку…

Мысли не мешали Ольге работать, и в душе она не могла не признать правоту методов Уго Ургейма. Из-за его необузданного напора некогда было тратить время на страхи и сомнения…

Бортовой компьютер — милая штучка, с сумасшедшим быстродействием, ну прямо подстать их командиру — гнал на расположенные перед ней мониторы поток навигационных данных. Черт, нужно только успеть сориентироваться в этой мешанине цифр, и все будет нормально…

Так… Вектора двигателей… Граница атмосферы… расчет маневра для геостационарной орбиты радиобакена… Точки Лагранжа… А этот Курт… ничего себе… По крайней мере, отличается от остальных… спокойный, красивый… не потный… О, черт!…

Две орбиты на центральном мониторе совместились, опоясав шарик планеты.

— Внимание! — Пальцы Ольги машинально перекидывали тумблеры. Включено… Включено… Включено… — Курт, два-ноль, восемь-четыре! Коррекция левого борта!

В левых экранах расцвели ослепительные вспышки корректирующих дюз.

— Эй, закончили! — раздался громовой бас Ургейма. — Всем по местам! Пристегнуться! Живо!

— Радиобую — старт!

Корабль тряхнуло, — это в космос отстрелило двухметровую сферу, набитую электроникой. Чуть отстав от корабля, она повернулась вокруг оси, расправила сложенные веера солнечных батарей и вдруг, ослепительно сверкнув двигателями, отвалила в сторону, переходя на заранее рассчитанную орбиту.

Десантный корабль — серебристая пылинка на фоне необъятного бурого шара планеты — по пологой траектории падал в верхние слои атмосферы.

Серхенсон улучил секунду, чтобы утереть со лба выступившие капельки пота. Машинально поправив одетые на глаза бинокуляры пилотирования, он вновь сосредоточился на приборах. Перед глазами рос шар планеты, рассеченный тонкими линиями координатной сетки, в узлах которой бежали цифры и машинные коды. Инфракрасные сканеры показывали нечто невообразимое…

— Внизу горячо! — предупредил он Ургейма. — Начинаю снижение!

Звезды на обзорных экранах утратили свою кристальную чистоту. Модуль входил в атмосферу, и по мере ее уплотнения небольшой корабль все сильнее раскачивало в появившихся турбулентных струях. Пальцы пилота лежали на сенсорах управления ходовыми секциями. Импульсы торможения из носовых двигателей из частых отдельных взрывов превратились в постоянный грохот.

Еще минута, и обзорные экраны заволокло коричневато-серой мутью — это были первые облака. Ольга включила посадочные огни, но мощные прожекторы не смогли пробиться больше чем на метр и лишь подсветили изнутри клубящуюся стену, окружившую корабль.

Здесь бушевали ветры и грозы, облачность вокруг была буквально напоена статическим электричеством. Внезапно коричневую мглу прорезало несколько ветвистых высоковольтных разрядов. Кто-то вскрикнул, Ургейм тихо, но внятно выругался на шведском.

«Зачем мы сюда сунулись, — в отчаянии подумала Ольга, которая могла контролировать снижение исключительно по приборам, никакого визуального восприятия не было и в помине из-за густых облаков, — ведь вторая планета системы, расположенная дальше от звезды, выглядела куда более привлекательно… Черт его разберет, этого Ургейма… Жаль скорость великовата — воздухозаборники не выпустить…»

Курт тоже нервничал, хотя времени на это у него было еще меньше, чем у Ольги. Он неплохо справлялся с управлением модулем, но электронные бинокуляры подспудно давили на психику…

Два серебристых крыла выдвинулись из раскрывшихся створов, приняв

на себя основной вес корабля. К грохоту дюз и грозы добавился тонкий противный свист воздуха, рассекаемого плоскостями…

«Скорее бы кончились облака!…» — мысленно взмолился Курт. Ему совершенно не хотелось садиться по приборам.

И они кончились.

В обзорные экраны внезапно ударил серый, унылый свет, несколько последних перистых полос мелькнуло по бокам, и они наконец увидели поверхность планеты.

Под плоским брюхом модуля проносилась серо-черная равнина, вся покрытая морщинистыми лавовыми наростами. Она была начисто лишена жизни и слабо курилась ядовитыми сернистыми испарениями. На горизонте извергалась группа вулканов, громадное озеро на равнине кипело, и шквальный ветер стлал по земле густые клубы пара; от низких, тяжелых облаков то и дело били ветвистые разряды молний, несколько голубых шариков плазмы несло ветром, пока они не взорвались среди каменных обломков…

Модуль снижался. Курт по показаниям приборов выбрал более или менее ровное и твердое место, и теперь корабль описывал над ним концентрические круги.

— Дьявол!… – проорал Ургейм, стараясь перекричать рев турбин и раскаты грома, транслируемые внешними микрофонами.

— Садиться будем?! – спросила Ольга, втайне надеясь на отрицательный ответ.

Уго пробежал глазами по данным экспресс-анализа атмосферы. Первобытная смесь, в чистом виде.

— Садимся! Эй, парни, готовьте геологическое оборудование! Тут металлы, должно быть, текут прямо по поверхности!

— На что они нам?! – не выдержал Курт.

— Если на соседней планете возможна жизнь, то здесь можно поставить металлургические и химические заводы-роботы! — пояснил Уго. — Не гадить же опять там, где будем жить!

— Кора сейсмически неустойчива! — предупредила его Ольга. — Планета едва остыла! Я не могу определить, насколько безопасно место под нами!

Из-за рева атмосферных двигателей, отделенных от остальных отсеков только переборкой, им приходилось постоянно орать, чтобы слышать друг друга.

Ургейм упрямо помотал головой. Только короткая разведка, жестом пояснил он.

В этот момент низкие тучи, состоящие из пара и вулканического пепла, разразились стеной дождя. Падающая с небес вода закипала, едва достигнув поверхности равнины, в клубах пара бесновались молнии, и динамики продолжали изрыгать адский грохот.

Модуль неуклюже накренился, притормозил и коснулся планеты передними опорами. Толчок едва не вышиб из экипажа дух. Посадка оказалась еще жестче, чем предполагала Ольга.

Несколько секунд все в напряжении ждали, выдержит ли застывшая лава вес корабля.

— Ну и погодка! — расхохотался наконец бородатый болгарин Стоянов. — Как в сауне!

Колонисты встали, разбирая кофры с оборудованием, и пошли в хвостовую часть корабля, где располагался главный шлюз. Ургейм задержался у кабины управления.

— Курт, держи турбины на холостом ходу, — распорядился он, — мы возьмем пробы, установим маяк посадочного луча, ну и раскидаем кое-какое оборудование. На все, — он посмотрел на часы, — минут сорок, не больше. — Он постучал по циферблату и перевел взгляд на навигатора. — Ольга, подготовь навигационные расчеты для перелета на соседнюю планету.

Она кивнула в ответ. Разговаривать не было сил, посадка довела ее до полного изнеможения.

Ургейм подмигнул им и пошел к ожидавшей его группе.

Курт снял с головы обруч с электронными бинокулярами и положил его на пульт. Откинувшись в кресле, он смотрел на обзорные экраны, рассеянно хлопая себя по груди, пока ладонь не нашарила карман. Достав сигареты, он молча протянул Ольге раскрытую пачку.

— Мой Бог… — потрясенно проговорил он, не отрывая глаз от экранов. — Начало мирозданья… Никогда не думал, что увижу подобное!…

Она не ответила, а лишь молча взяла предложенную сигарету, прикурила и откинулась в кресле, глядя на то, чем так восхищался Курт.

Ливень закончился. Было непонятно — день на планете или, ночь. Низкие облака, наполненные вулканическим пеплом, создавали высокое альбедо, и солнечные лучи, наверное, столетиями не проникали в багряный сумрак новорожденного мира. Да и сам воздух, насыщенный паром и частицами туфа, казался серым; сумрак то и дело озарялся вспышками извержений, и вся картина, окрашенная в гнетущие красные тона, нагоняла жуть. Ольге действительно было страшно. «Миллионы лет до зарождения

жизни… — думала она. — Быть может, вот те горы только вчера поднялись над равниной…»

Она перевела взгляд на клокочущее озеро. Жидкость в нем кипела, с шипением облизывая неровные берега. Пласты застывшей лавы курились желтым дымом.

— Температура на поверхности сто десять градусов по Цельсию, — сообщил Курт.

— Жуткое место… — Ольгу передернуло. Она с облегчением отвела взгляд от обзорных экранов к ровному, успокаивающему и привычному сиянию навигационных дисплеев.

— Ольга, разве вы не чувствуете этой дикой красоты? — удивился Курт.

— Со мной можно на «ты», — ответила она. Дым ее сигареты толчками втягивался в вентиляционное отверстие. — Не нахожу здесь ничего привлекательного. Мне просто страшно… Наверное, так выглядит библейский Ад… — Ольга погасила сигарету и повернулась к приборам. — Нисколько не удивлюсь, увидев на экранах парочку рогатых ксеноморфов! — попробовала пошутить она.

Курт вежливо улыбнулся.

В этот момент от корабля отделилось семь фигур в скафандрах. Они разбились на группы. Одна направилась к озеру, другая в глубь равнины, и кто-то один (Курт не смог разобрать, кто именно) остановился неподалеку от корабля, устанавливая на сейсмических амортизаторах аппаратуру наводящего посадочного луча.

Пилот сделал несколько переключений на пультах, и корабль вдруг приподнялся на телескопических опорах. Он включил прожектора и принялся манипулировать ими, освещая дорогу двум группам.

— Ради этого стоило перенести анабиоз… — между делом проговорил он, продолжая прерванный разговор. — Никто на Земле еще не видел ничего подобного.

— Мы с тобой мыслим разными категориями, — ответила Ольга, не разделявшая его восторженного возбуждения. — Ты думаешь о том, что даст вам в будущем эта планета, а я просто мечтаю вернуться домой…

— Почему?

— Я улетала, чтобы вернуться! — резко ответила Ольга, которую начинали злить его вопросы. — Мне не кажется, что это, — она кивнула в сторону обзорных экранов, — достойная замена Земле. Я не ищу себе новой родины, — отрезала она. — Мы должны были всего лишь доставить вас в систему Альфы Близнецов, а не колонизировать эти чертовы планеты!…

Ее охватила внезапная дрожь. От воспоминаний о Земле, оставшихся там родных и друзьях на глаза навернулись слезы.

Курт пожал плечами и повернулся к приборам. Не хочет разговаривать — не надо, но злиться-то зачем?…

— Стоянов, Робертсон, возвращаться! — внезапно раздался в коммуникаторах встревоженный голос Ургейма.

Курт и Ольга недоуменно переглянулись, не видя причины для столь спешной эвакуации, когда группы только вышли на поверхность и едва успели достичь намеченных точек, но в этот момент корабль слегка тряхнуло.

— Что это?!

— Не знаю… — Курт включил бортовой сейсмограф. — Похоже, землетрясение!

Впереди и справа что-то сверкнуло. Они заметили зловещий отблеск на боковых экранах и одновременно посмотрели туда.

— О Господи… — вырвалось у Ольги.

В километре от корабля к низким небесам ударил фонтан магмы. Кора планеты треснула с оглушительным грохотом, и по равнине зазмеился неровный, кровоточащий лавой разлом. Все произошло так быстро, что они не успели опомниться, а трещина уже доползла до озера и расколола его берег, Курт перегнулся через спинку кресла и рванул с полки два гермошлема. Они с Ольгой сидели в легких скафандрах. Как и положено по инструкции при посадке.

— Одевай! — он сунул ей шлем, хватаясь за рычаги ручного управления.

Ольга как будто не слышала его. Ее взгляд был прикован к шести фигурам в белоснежных скафандрах, с разных сторон бегущим к кораблю. Троих уже отрезала растущая на глазах трещина.

Двигатели модуля взревели, вторя грому извержения. В этот момент озеро начало вливаться в разлом. Первое соприкосновение жидкости с вязкой, тускло-красной лавой вызвало серию взрывов. Во все стороны полетели шлаковые бомбы, — раскаленными болидами они взмывали вверх и тут же падали назад на равнину, взрываясь фейерверками горячих брызг.

Еще секунда, и хрупкая перегородка отвердевшей лавы не выдержала, и все озеро внезапно обрушилось в трещину.

Курт опоздал со стартом всего на несколько секунд. Казалось, сама планета раскололась надвое…

Взрывная волна обрушилась на модуль, сломав, словно спички, его

опоры и завалив многотонный корабль набок. Часть обзорных экранов погасла, на уцелевших горизонт внезапно покачнулся и встал дыбом. Ольга видела, как Курт врезался головой в приборную панель, и по его рассеченной щеке потекла струйка крови. Стараясь поскорее стартовать, он не успел одеть гермошлем.

Она растерянно огляделась, сама едва живая от встряски. Те трое, что бежали от озера, исчезли. Господи, она даже не запомнила их лиц, не знала имен… Трое других, поваленные взрывной волной, лежали в сотне метров от корабля. Один еще пытался ползти, неуклюже уворачиваясь от падающих с неба шлаковых бомб. Дождь горячих обломков барабанил по обшивке перевернутого модуля.

Ургейма нигде не было видно, и Ольга подумала, что он погиб…

Курт слабо застонал и шевельнулся.

Это вывело ее из оцепенения. Защелкнув замки своего гермошлема, она выбралась из кресла и поползла меж опрокинутых контейнеров к шлюзу.

— Ты куда?! – раздался за спиной возглас Курта. — С ума сошла?!

— Поднимай модуль! — заорала она, вручную вращая штурвал запорного механизма шлюза. — Я попытаюсь помочь им!

Что-то дважды с силой ударило по обшивке, снаружи раздалась серия оглушительных взрывов. Ольга скорчилась в тесном тамбуре, вращая штурвал, пока наружный люк внезапно не поддался и не скользнул в сторону, удерживаемый на двух штангах.

Первый, кого она увидела, был Ургейм. Его тело повисло на люке и вместе с ним отъехало в сторону.

До земли было метра три. Корабль лежал, подмяв под себя хвостовой стабилизатор, который пропахал в обсидиановой равнине глубокую борозду. Ольга в ужасе смотрела на человеческое тело, повисшее в двух метрах над разломом. Ветвь основной трещины — узкая полуметровая расселина — проходила почти под самым кораблем. Ургейм висел над ней, уцепившись обеими руками за крепежную скобу люка.

— Я выберусь… — внезапно услышала она в коммуникаторе его хриплый голос.

Она прыгнула, заледенев от страха и моля всех богов, чтобы только не попасть в разлом. Земля встретила ее болезненным, жестким ударом, ноги подкосились, она упала, но тут же поднялась. Вокруг сыпались раскаленные куски породы, черная равнина содрогалась в конвульсиях, в небо били огненные фонтаны…

Она побежала туда, где минуту назад видела три распростертые фигуры.

Только один из них уцелел и по-прежнему полз к перевернутому кораблю. Ноги в тяжелых ботинках с магнитными подошвами скользили по черному вулканическому стеклу… Пепел падал с неба крупными хлопьями, словно горячий серый снег.

До белой фигуры оставалось не больше двадцати метров, и Ольге казалось, что она уже видит перекошенное в немой мольбе лицо болгарина. Его борода слиплась от пота, рот тяжело открывался. Вокруг грохотали разрывы, но в наушниках были слышны только щелчки статического электричества.

Еще несколько метров… Она протянула руку навстречу приподнявшемуся человеку.

Кусок раскаленной добела породы огненным комом прочертил воздух и ударил в спину Стоянова. Его кислородные баллоны взорвались с оглушительным треском, заляпав кровью скафандр Ольги.

Рваный осколок кислородного баллона ударил ей в плечо.

Она упала, онемев от боли, потом встала на колени, зажимая рукой распоротый скафандр.

Рядом дымилось кровавое пятно. Расколотый гермошлем Стоянова отлетел в сторону, и Ольга видела остекленевшие глаза мертвеца… и всклокоченную бороду, которая уже начала дымиться, закатываясь смердящими шариками… По щекам Ольги текли слезы, но она едва ли осознавала их, как и удушливые серные испарения, проникшие в ее скафандр…

Она поняла: все кончено… Смерть плясала вокруг рухнувшей на колени фигуры.

«Скорее бы», — отрешенно подумала она, но вдруг чьи-то руки подхватили ее и потащили назад, к кораблю.

Это был Курт, Ольга узнала нашивки пилота на рукаве скафандра. Через включенный коммуникатор было слышно его тяжелое, прерывистое дыхание.

— Зажимай порез!… – кричал он. — Давай же!… Мы выберемся!…

Курт подтащил Ольгу к перевернутому набок кораблю с противоположной от главного шлюза стороны. Открыв люк, он впихнул ее обмякшее тело в аварийный модуль. Ургейм уже был внутри.

Курт сел в кресло пилота и огляделся.

Извержение продолжалось, равнина раскололась на множество неравных участков, которые плавали в лавовом озере, содрогаясь от ежеминутных столкновений друг с другом, и он понял, что ждать бесполезно, все остальные погибли… Все живое было еще слишком чуждо

этой планете, которая, как саламандра, плавилась и возрождалась, живя в постоянном аду извержений.

Курт проверил герметичность модуля и включил приборы.

Ольга уже пришла в себя и пристегивалась к креслу. Бесчувственное тело Ургейма безвольно повисло на страховочных ремнях.

Мягко вспыхнули зеленой подсветкой шкалы индикаторов. Ольга плакала, давясь слезами, но ее руки машинально производили все необходимые предстартовые включения.

— На, держи! — Курт сунул ей дискету.

— Что это?

— Курс, который ты рассчитала для выхода на орбиту. Быстро измени значение массы корабля и мощности двигателей. Я стартую на ручном управлении.

Ольга взглянула на него, недоумевая. Как Курт мог вспомнить о проложенном курсе, когда вокруг гибли товарищи, и плавилась планета… А ведь иначе им было бы не взлететь!…

Через несколько секунд часть бронеплит обшивки поваленного набок корабля раскрылись в разные стороны, как лепестки металлического тюльпана, явив к свету пятнадцатиметровое тело аварийного модуля. Бортовой компьютер покалеченного корабля, подчиняясь последней команде, перекачал остатки горючего в резервуары стартовой шахты и замкнул зажигание.

Еще один взрыв потряс расплавленную равнину, осветив ее мертвенно-голубым светом, когда «сигара» аварийного модуля вырвалась из пылающих обломков базового корабля и устремилась вверх, навстречу невидимым отсюда звездам.

* * *

Малый разведывательный корабль — это далеко не самое гениальное творение человеческой мысли. Он был выполнен чисто утилитарно: никакого комфорта, удобства минимальные, места — только чтобы не сталкиваться лбами. Существовали определенные требования, предъявляемые к комплектации подобных космических аппаратов, вот их компании-производители и старились выполнить со всем тщанием. На борту разведывательного корабля было все, чему полагалось тут быть по спецификациям ООН, но пробовал ли кто-нибудь просуществовать на оставшихся после размещения этого оборудования считанных квадратных

метрах?

На этот вопрос приходилось отвечать другим.

Просторнее всего было в кабине пилотов.

Берг встал со своего кресла, чувствуя, как ломит одеревеневшую от долгого сидения поясницу. Им оставалось еще около суток лету до избранной еще на «Кривиче» планеты.

Открыв дверь, ведущую из отсека пилотов в основное помещение корабля, он попал в душный полумрак. Закрепленные вдоль стен и потолка контейнеры с оборудованием оставляли узкий проход по центру, вдоль которого без очевидной системы, где для этого оставалось место, были прикручены восемь противоперегрузочных кресел.

Он потянул носом спертый воздух. Пахло пластмассой, потом, и еще какой-то дрянью. После хорошо освещенной кабины управления перед глазами некоторое время плавали желтые пятна. Наконец зрение приспособилось к полумраку, который едва разгоняли расположенные где-то у самого потолка в сплетении кабелей и труб тусклые лампы. Бортовой компьютер держал энергосистемы корабля в режиме жесткой экономии.

Берг сделал несколько шагов по узкому проходу, рукой ощупывая боковые стены, чтобы случайно не врезаться головой в какой-нибудь выступающий угол. Чертовы конструкторы… Могли бы оставить побольше места… или хотя бы расположить сортир поближе к кабине пилотов…

Его рука провалилась в пустоту, и он поравнялся с первой нишей. Человек, сидящий в противоперегрузочном кресле, спал, бессильно свесив голову.

В следующей нише, расположенной через несколько шагов, стояло сразу два кресла. Один из колонистов листал журнал, засунув в щель между контейнерами портативный фонарик так, чтобы тот светил на страницы. Его товарищ со скучающим видом вырезал кончиком десантного ножа свои инициалы на пластиковой обшивке стены.

Через несколько шагов Виктора окликнули.

— Эй, парень!

Он оглянулся. Здоровенный негр, единственный черный среди их маленькой группы, растекся в кресле со скучающим видом, взгромоздив ноги на низкий кофр с оборудованием.

— Эй, здесь разве не полагаются напитки? — заржал он.

Виктор попытался дружелюбно улыбнуться, хотя шутка ему совершенно не понравилась.

Негр внезапно отставил ногу, перегородив проход.

— Куда-то торопишься, парень? — угрожающе спросил он.

Виктор отступил на шаг назад и спросил:
— Слушай, чего тебе надо?
— Я же сказал, здесь разве не подают пиво? — не унимался негр. Он явно глумился над растерянностью пилота.
Берга наконец достало.
— Ты спутал рейсы, — ответил он, перешагнув через ногу. — Здесь не «Люфтганза» и даже не «Аэрофлот», а я тебе не стюардесса, понял?
Не дожидаясь ответа, он пошел дальше.
Если кто-то из экипажа и слышал их разговор, то не подал вида. Добравшись до хвостовой части корабля, Виктор думал, что проблемы теперь возникнут только на обратном пути, но ошибся. Тут стояло еще два кресла, и их обитатели отнюдь не были настроены дружелюбно.
Нельзя сказать, чтобы он не понимал этих людей, никому не приятно несколько суток провести в темном и душном замкнутом пространстве, но ведь они в одной упряжке, в конце концов…
Пройдя под двумя угрюмыми взглядами в узкий тамбур, он вошел в сортир и сплюнул. Чертовы приключения. Мало, что ли, у них проблем?!
Однако неприятности только начинались.
Выйдя назад, он наткнулся на одного из колонистов. Тот стоял, уперев руки в стены и полностью перегородив проход.
«Джон Нортон» — гласила нашивка на его нагрудном кармане.
— Чего тебе?
Джонни неодобрительно покачал головой и кивком указал на своего товарища, развалившегося в кресле:
— Ему плохо. Мне нужна аптечка.
Берг знал, где расположены кофры с комплектами первой помощи и другими медикаментами. Он повернулся и, достав набор электронных ключей, приложил один из них к соответствующей панели. Та мягко отъехала в сторону, открыв подсветившуюся изнутри нишу.
Кто-то грубо схватил его за плечо и отпихнул в сторону.
— Вали, дальше разберемся без тебя! — проговорил Нортон, выгребая лекарства.
Виктор моментально сообразил, что нужно этому Нортону, но что он мог сделать? Броситься на него, чтобы получить по зубам?
Не сказав ни слова, он повернулся и быстро зашагал к кабине управления.
— Чего так долго? — спросил Антон.
Виктор сел в кресло и зло посмотрел на сержанта.
— У нас проблемы, Антон. У этих козлов, похоже, клаустрофобия.

Один из них добрался до кофра с медикаментами.

— Что в кофре?

— Да все, что хочешь! Медицинский спирт, успокоительное, психотропное…

— Черт!…

— Думать надо было, когда будили! — обозлился Берг. — Думаешь, эти ребята проходили какой-нибудь отбор? Есть деньги, чтобы заплатить пай, — вот ты и колонист! Набрали кого ни попадя, всякое отребье!…

— Ладно, не ной! — Антон встал. — Схожу, поговорю с ними…

Он осторожно открыл дверь и несколько секунд стоял на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку и прислушиваясь к звукам, доносившимся из хвостовой части корабля.

Первые шесть кресел оказались пусты.

Он прошел по узкому проходу, в конце которого металось пятно света от ручного фонарика.

Восемь человек сгрудились на небольшой свободной площадке у тамбура. Как он и предполагал, они нашли спирт и, похоже, уже успели принять по одной.

— Так, мужики, — проговорил он. — Ну-ка, завязывайте это дело!

Крайние, сидевшие на корточках спиной к проходу, обернулись, остальные не обратили на него никакого внимания. Пили они молча, и их лица становились еще мрачнее, словно здесь отмечались их собственные похороны. Да так по сути дела все и было, по крайней мере в сознании этих людей, по большинству влачивших не нищую, но и не нормальную, с точки зрения благосостояния, жизнь в мегаполисах Земли. Они не представляли, что такое работа до седьмого пота и борьба за собственную жизнь. Похоже, что до последнего времени средства к существованию они получали либо от государства в виде различных пособий, либо путем грабежа на тропках многоуровневых городов.

«Черти помойные… — со злостью подумал Антон. — Отцы новой цивилизации…»

— Я же сказал, завязывайте! — повторил он.

* * *

Эндрю Гейтс чувствовал себя прескверно.

Во-первых, он долго не мог понять, куда, собственно, его занесло. Во-вторых, жратва, компания и выпивка были убогие. А в-третьих, он был

попросту зол.

Последнее, что запомнилось ему из «прошлой» жизни, был зал ресторана на сто седьмом уровне Йорк-Мегаполис-Сити.

Этот зал был излюбленным местом вечерней тусовки всей чернокожей братвы уровня. Хозяин жил под их «крышей», полиция предпочитала сюда не заглядывать, поэтому тут можно было оттянуться на полную катушку…

Вечер еще только начинался, но Гейтс, после удачного рейда прошлой ночи, уже страдал временными провалами памяти. ЛСД этой осенью опять вошел в моду, цены подскочили, но зато появился один совершенно новый продукт, от которого можно было «улететь» в такие дали…

Откуда за их столом взялся этот вертлявый негритенок — совсем еще парнишка с наглой мордой коммивояжера, — вспоминать было бесполезно. Появился, и все тут. Фиг знает, откуда они берутся в нужный момент?…

Эндрю еще помнил, как тот, после выпивки, великодушно предложенной Гейтсом, начал заливать про какие-то чудные миры, где все зеленое, текут голубые реки, в которых водится форель, и можно классно расслабиться, отдыхая на золотистом берегу, под тенью живых (во загнул!) пальм.

Эндрю слушал пацана вполуха. Тот описывал явный глюк, иначе и быть не могло… Где сейчас найдешь живую пальму? Да и на бывших пляжах бывшего же Майами-Бич уже лет сто как не растет ничего. Одни ржавые остовы старых экскаваторов скрипят на ветру. Скажет тоже… пальмы!

Эндрю был уверен, если и есть на Земле место, где осталось что-то живое, кроме, конечно, крыс и бездомных мутировавших кошек, то эти места далеко, они хорошо охраняются, и на один-единственный билетик в подобный рай всей его банде нипочем не заработать и за год…..

И тут его осенило. Парень, наверное, предлагает им какой-то новый препарат, от которого как раз и можно словить глюк с живыми пальмами и форелью! О том, что форель и пальмы плохо совместимы в природном смысле, он просто не знал.

— Эй, пацан!… – Гейтс навалился на стол и вытянул из кармана пачку замусоленных зеленых банкнот. — Я хочу туда! Как я могу «улететь»?

Тот забормотал что-то про «сэра» и «завтра», но Эндрю уже завелся. Он заграбастал своей лапищей воротник парня и сказал одно-единственное слово:

— Веди!…

Когда Гейтс говорил таким тоном, то спорить с ним было бесполезно. Об этом знали все в «черных» секторах их уровня.

Парнишка, поначалу сникший, немного повеселел, когда они покинули

ресторан и поймали такси. Пачка «зеленых» и угрожающий взгляд Эндрю сделали свое дело.

Он откинулся в мягкие объятия сиденья машины и весь отдался ритму мерного покачивания, жалея лишь о том, что, покидая ресторан, не додумался «догнаться» на ход ноги и розовый туман скоро рассосется… Впрочем, если пацан не врет, то скоро его ожидает новый кайф…

Он не запомнил дороги, да это, собственно, было ни к чему. Он находился на своем уровне мегаполиса, и здесь опасаться было нечего.

Эндрю запомнил низкие двери, претенциозно обставленный кабинет и белого в старомодных очках, который сидел за столом и что-то редактировал на экране монитора.

«Странно… — мелькнула в затуманенных мозгах Гейтса единственная здравая мысль, — что-то не припомню, чтобы „улетами“ торговали в таких местах…»

Благополучно остаться на Земле ему помешала врожденная наглость. Все это, конечно, сильно смахивало на проделки копов-дилетантов из последнего призыва, но Гейтс уже так завелся от ожидания кайфа, что ему стало все равно. В конце концов, если сейчас на него наставят пушку и начнут тыкать удостоверениями, он расквасит им морды, а заодно изувечит этого пацана. Тоже своего рода кайф…

— Я хочу «улететь»! — нагло заявил он, нервно раздувая ноздри, и припечатал к столу пачку «зеленых».

Человек в очках пересчитал деньги, часть из них отложил в сторону, а несколько бумажек вернул Гейтсу.

— Подпишите, — с вежливой улыбкой попросил он, выудив из-под стола какой-то лист.

Эндрю не глядя поставил свой росчерк и с вызовом посмотрел на доходягу-очкарика. «Туфта какая-то…» — подумал он, предвкушая, как впечатает его мордой в этот самый стол. С кем шутить вздумали…

— Пройдемте… — Вежливый очкарик открыл соседнюю дверь и пропустил Гейтса в длинное, низкое помещение, где бесконечными рядами стояли подсвеченные изнутри пластиковые цилиндры, внутри которых лежали люди!

Гейтс невольно попятился. Розовый туман в башке моментально начал редеть, но было поздно, — кто-то аккуратно навалился сзади, и легкий укол в шею опрокинул его сознание в полнейший мрак…

По иронии судьбы в липовом удостоверении личности, которое в тот момент находилось в нагрудном кармане Эндрю, в графе «гражданская специальность» значилось: «Специалист по внеземным формам жизни.

Мичиганский государственный университет».

Эндрю всегда находил забавной эту формулировку…

Он медленно поднял глаза и посмотрел на щуплого белого молокососа в униформе с нашивками сержанта космической бригады ООН.

Этого случая Эндрю ждал с того самого момента, как микроинъектор выстрелил в его шею. Наконец-то…

Спирт только оглушил сознание и разбудил дремавшую злобу.

Если бы кто-то мог представить, как его ломало…

— Ну что, козел, говоришь «завязываем»? — спросил он, выпрямляясь. В тусклом свете ламп в его руке холодно блеснула сталь десантного ножа.

Антон сделал шаг назад, заблокировав направление вероятного выпада выступающим в проход углом какого-то контейнера.

Нельзя сказать, чтобы он не боялся, — храбриться здесь было не перед кем, и события принимали нешуточный оборот… Но куда больше его разбирала злость, и не на черного амбала с ножом, медленно наступавшего на него по узкому проходу, а на нелепость всей ситуации в целом. Происходи все на Земле, в каком-нибудь захудалом кабаке, где собираются местные панки, он бы ни разу не задумался, ломая им руки… но драка в глубоком космосе из-за полулитровой склянки со спиртом, в то время когда от их единства зависит жизнь трехсот тысяч человек, — это был абсурд, нонсенс!…

Он медленно поднял обе руки ладонями вверх.

— Хватит! — решительно проговорил он, пока благоразумие еще способно было обуздать растущую в нем ярость. — Если мы будем резать друг друга, то подохнем все, так и не разведав планету! — Он пытался достучаться до их затуманенного алкоголем сознания, продолжая медленно отступать по проходу, и чувствовал, что ни фига у него не получится, и все же…

Эндрю надоело красться по проходу. Этот щупленький недоросток, наверное, уже обгадился со страха, раз запел про солидарность. Гейтса душила дикая, беспричинная и бесконтрольная злоба, от которой хотелось взвыть, вцепиться в противника зубами и разорвать его на части…

Из глотки негра вырвался нечленораздельный хрип, и он прыгнул, целя ножом в живот Антона.

Удара не получилось. Сержант внезапно перехватил его руку, прижался к контейнеру, пропуская его мимо себя, и резко дернул. Эндрю заорал от боли и жуткого хруста собственной кости. Пролетев пару метров по узкому проходу, он врезался головой в какой-то выступ и грузно осел на пол.

Перед глазами плавал кровавый туман, а когда он начал рассеиваться, то

первое, что увидел Гейтс, был его собственный нож, валяющийся на полу в полуметре от него, и высокие, на «молниях», сапоги стоящего подле человека.

Стараясь не шевелиться, он повел взглядом.

Это был навигатор. Видно, парнишка здорово трусил, судя по смертельной бледности его лица. Многозарядный пистолет в его руках мелко подрагивал.

Он наступил ногой на нож Гейтса и закричал:

— А ну, назад все!

Антон, едва вернувшийся в исходную позицию, после удачно проведенного приема, похоже, был изумлен появлением Берга не меньше остальных. Черт, говорил же ему: «Сиди и не высовывайся!»… Для Антона не было худшего чувства, чем ощущение совершенно неподготовленного товарища за своей спиной.

Его опасения оправдались буквально в следующую же секунду.

Он не успел сделать шага назад, и приказ, предназначенный Виктору, застыл на губах, потому что пришедший в сознание Гейтс внезапно рванул навигатора за ногу, схватил здоровой рукой валявшийся на полу нож и не раздумывая всадил его Бергу в бок…

Виктор закричал, уронив пистолет, и нелепо взмахнул руками, пытаясь зажать рану, из которой фонтаном брызнула кровь; Гейтс схватил упавший на пол пистолет, и Антону уже не оставалось ничего другого, кроме как прыгнуть прямо на пули…

Колонисты, все еще толпившиеся в конце узкого прохода, остолбенели. Возможно, им нравилось покуражиться и выпить, но сейчас хмель вылетел из их голов, в конце концов, они не были такими, как Эндрю, и понимали, что ситуация приняла совсем уж дурной оборот, особенно когда в тесном отсеке грянули первые выстрелы…

Остервенелая боль в сломанном запястье не дала Гейтсу прицелиться в Антона, да он не очень-то и старался, оглушенный собственной злобой, и пули прошли мимо, кроша контейнеры с оборудованием и облицовочный пластик стен.

В обойме пистолета было десять патронов, но Эндрю успел сделать только четыре выстрела; в следующий момент удар в лицо опрокинул его навзничь.

Антон оглянулся на оторопевших колонистов, едва не поскользнувшись в луже крови. Подхватив обмякшее тело Берга, он что есть силы побежал к герметичной переборке, отделявшей отсек пилотов от остальных помещений.

Он скорее догадывался, чем знал наверняка, какое действие возымели четыре выстрела в замкнутом, нашпигованном трубопроводами, кабелями и электроникой тесном пространстве разведывательного корабля…

И, словно в подтверждение его самых худших опасений, зло и надсадно взвыли сирены, оповещая об аварийной ситуации, из развороченной выстрелами стены ударила струя пара, и посыпались искры.

Он уже почти дотащил Берга до дверей пилотской кабины, когда из скрытых динамиков, перекрывая рев сирен и встревоженные крики людей, зазвучал безликий, записанный в память бортового компьютера голос:

— Вниманию экипажа! На борту аварийная ситуация! Поврежден трубопровод системы рециркуляции воздуха. Утечка токсичных газов из охлаждающей магистрали ходового реактора! Всем укрыться в аварийном модуле! Смертельный уровень загазованности будет достигнут через три минуты… Повторяю…

Разворачиваясь в тесном проходе перед медленно открывающейся дверью, он успел заметить, как часть колонистов, отпихивая друг друга, бросились в узкий тамбур, ведущий к люку аварийного модуля, но двое метнулись вперед по проходу.

Антон думал, что они от отчаянья решили все же покончить с пилотами; впихнув бесчувственное тело Берга в полуоткрывшуюся дверь, он развернулся, готовый драться, но двое колонистов, подхватив под руки окровавленное тело Эндрю Гейтса, уже бежали назад, к шлюзовой камере аварийного модуля. Им было совершенно наплевать, что станет с Антоном и Виктором.

Он ввалился в отсек, уже чувствуя, как першит в горле от проникших в атмосферу корабля ядовитых испарений из поврежденной системы охлаждения реактора. Учитывая отрубившуюся рециркуляцию воздуха, это была серьезная, практически непоправимая поломка…

Дверь отсека наконец встала на свое место. Антону было некогда заниматься приборами, нажав кнопки с надписями «герметизация помещения» и «аварийный режим», он склонился над распластавшимся на полу телом навигатора.

Рана была неглубокой, но длинной и сильно кровоточила. Нож скользнул по ребрам, не задев жизненно важных органов, но болевой шок и большая потеря крови, в условиях аварии на корабле и невозможности принятия каких-то мер делали эту рану смертельно опасной.

Вскрыв индивидуальный пакет, Антон обработал рану, стянув ее края специальными хирургическими скрепками. С трудом поместив бесчувственное тело навигатора в кресло, он пристегнул его ремнями, и в

этот момент корабль ощутимо качнуло…

Антону не было необходимости смотреть на экраны или приборы — он прекрасно знал причину толчка, — это аварийный модуль выстрелило из пусковой шахты.

Колонисты бежали, бросив их на борту корабля.

Виктор глухо застонал, приходя в сознание. В его широко раскрытых глазах застыли ужас и боль. Он несколько раз открыл рот, пытаясь не то вздохнуть полной грудью, не то закричать…

На обзорных экранах разведывательного корабля уже был виден небольшой, величиной с горошину, шарик той планеты, к которой они прорывались сквозь миллиарды километров пустоты.

Яркая искорка аварийного модуля, покинув корабль, неслась прямо к нему…

Глава 3. ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

В каюте Галанина горел приглушенный свет настольной лампы, да тускло светились в половину обычной яркости мониторы персонального компьютера.

Константин Эрнестович по привычке ходил из угла в угол, меряя шагами тесное помещение.

— Значит, ты считаешь, что поступил правильно? Антон поднял глаза и угрюмо посмотрел на командира.

— Понимаю, Антон, — ответил Галанин на этот взгляд. — Но ты ошибался, если думал, что я дам какую-то иную оценку твоим действиям!

— Константин Эрнестович, при всем моем уважении к вам я не намерен выслушивать упреки, — с вызовом ответил Антон. — Подчиненная мне группа колонистов отказалась выполнять мои приказы, они бежали, бросив меня и раненого Виктора на поврежденном корабле!

— Они не бросили вас… — прервал его Галанин. — Что мы с тобой крутим вокруг да около… Давай называть вещи своими именами. Да, относительно инструкций и прочих бумажек ты действовал разумно, но по-человечески ты ведь понимал, что эти ребята обезумели от страха и очертя голову ринулись туда, где их наверняка ожидает смерть! Ты ведь мог их подобрать, Антон… Мог… Но не стал!

Константин Эрнестович остановился и посмотрел на сержанта.

— Я понимаю, что в глазах других ты герой! Как же… На поврежденном корабле, с тяжело раненным навигатором ты сумел запустить зонды, разведать атмосферу планеты и вернуться обратно… Все это так… — вздохнул Галанин. — И будь на твоем месте кто-то другой, то я бы молчал…

— Константин Эрнестович!…

— Что, Антон? — Галанин сел в кресло напротив и попробовал заглянуть в глаза сержанта. — Давай начистоту! — предложил он. — Поломка ведь была пустячной. Она никак не повлияла на ходовые качества корабля! И если бы ты задержался еще на двадцать минут на орбите планеты, то Витя не умер бы от такой задержки. Ты мог подобрать модуль с колонистами, но не захотел. Ты счел себя судьей над ними…

— Хватит! — Антон встал. — Думайте, что хотите, но там была банда отпетых ублюдков! Они получили по заслугам!

— Возможно! Возможно, что на Земле мы могли бы причислить их к подобной категории, но не здесь, Антон! Плохие или хорошие, но они ЛЮДИ!

Антон, забыв о субординации, круто развернулся. Уже в дверях он обернулся и посмотрел на Галанина.

— О Земле пора забыть, Константин Эрнестович, — с горькой усмешкой проговорил он. — Жесток я или нет — то решать не вам. Но поберегитесь бросаться людьми, вставая на сторону разного сброда, потому что, проповедуя им идеи гуманизма, вы получите не новый мир, а нож в спину!…

Он круто развернулся и вышел.

Галанин долго смотрел на закрывшуюся дверь. Наконец он вздохнул и встал. Возможно, он и не прав, но в одном Константин Эрнестович был уверен вполне: если они — он имел в виду себя и остатки своего экипажа — потеряют человечность, возомнят себя богами и судьями, то их труд будет обречен…

Он подошел к столу и, опершись руками о пластик столешницы, долго смотрел в мерцающую пустоту монитора.

Из трех кораблей вернулись только два…

Бесследно пропала команда во главе с Ургеймом, а вместе с ними и Ольга…

Команда Андрея Вербицкого впустую сожгла драгоценное топливо разведывательного корабля. Три прозондированные ими планеты оказались не пригодны для жизни…

И только Антон и Виктор нашли искомое, хотя наличие в атмосфере планеты свободного кислорода в достаточном для дыхания человека процентном соотношении еще не говорило о том, что данная планета пригодна для жизни и колонизации.

И все же выбора у Галанина не было. Учитывая перелет до найденного Антоном мира, ресурсов у «Кривича» останется на две недели автономного полета. Этого не хватит даже для орбитальной разведки… Выход был очевиден. Они должны лететь туда и посадить корабль. Бросить на карту все, потому что это, похоже, их единственный шанс выжить самим и сохранить жизни тем, кто лежал сейчас внутри криогенных камер…

* * *

«Не приведи нас, Господи, туда, где нам нельзя быть, где разверзнуты

врата Ада и исключен всякий выбор, — то будет наш последний путь, последнее место для любви и ненависти, и лишь немногие отыщут дорогу назад…»

Огромный колониальный транспорт, частичка разума целой планеты, внутри которого теплились хрупкие жизни, приближался к избранной волею обстоятельств планете, сверкая в лучах незнакомой и потому кажущейся холодной, негостеприимной и чужой звезды.

Андрей не зря вспомнил этот отрывок молитвы, слышанный им в детстве от своей матери, — перед ним лежал мир, откуда им уже не будет возврата… Он остро осознавал это и мучился, страшась предугадывать, что ждет их впереди. Сам не отдавая себе отчета, он в эти минуты мысленно прощался со всем, что любил на далекой, навсегда потерянной Земле…

Они молча вели корабль — каждый за своей консолью управления, но и состав экипажа уже был не тот, что месяц назад… Место Ольги занял Семен Кречетов — один из разбуженных колонистов, с которым Андрей успел сдружиться за время совместной разведки планет. Виктор все еще не оправился от раны, и его место за пультами управления занял Антон.

Планета росла.

Андрей успевал бросать взгляды на обзорные экраны. Данные орбитальной навигации, выраженные цифрами и символами, занимали лишь часть его сознания — как раз ту, что была предназначена для дела. Андрей заметил, что с каждым разом ему все легче дается решение сложных задач, и он уже не напрягался, как бывало раньше. Довлевший над ним страх перед принятием неверного решения, которое может оказаться роковым для всего корабля, постепенно проходил, по мере того как он обретал опыт практической навигации. Наступил тот момент, когда Андрей с удивлением заметил, что больше не ощущает себя и бортовой компьютер отдельными частями системы управления, — они наконец научились понимать друг друга и составили то единство, которое только и может обеспечить успех.

Планета приближалась.

Она была повернута к «Кривичу» своей дневной стороной. Ее вращение было медленным, и один оборот вокруг своей оси она совершала за двое земных суток. «Трудно будет привыкать… — думал Андрей. — А адаптировать, наши растения к такому световому дню будет еще более сложно, чем привыкнуть к нему самим…»

Антон дал предупреждающий сигнал, начиная маневр сближения.

«Кривич» был слишком велик и неуклюж для обычной посадки, да и бесценный груз человеческих жизней не давал им права на ошибки. Хотя

если они все же ошибутся, то мертвым уже будет все равно… Пальцы Антона непроизвольно впились в рули. Он искоса посмотрел на Сергея, занявшего соседнее с ним кресло. Положа руку на сердце, он не мог не признать, что тот отлично справляется с обязанностями второго пилота, но все же Антон предпочел бы видеть рядом с собой кого-нибудь с более крепкими нервами…

— Поправка! — сообщил Андрей. — Маневр правого борта. Дюзы один, четыре, шесть — трехсекундное включение!

Сергей в точности выполнил маневр, и корабль повернулся, изменив угол наклона своей оси. Медленный дрейф звезд на обзорных экранах закончился яркой вспышкой компенсирующих дюз.

— Ориентация окончена, — доложил Антон. — Мы на орбите.

Константин Эрнестович пробежал глазами по цифрам.

— Отлично. Переходим в геостационарный режим!

Говоря это, Галанин заметно нервничал. Он немало полетал на своем веку, но одно дело внутрисистемные планетолеты, а посадка колониального транспорта на планету — это нечто совершенно иное. Она должна быть филигранной, — иного слова просто не подберешь, когда вес корабля составляет сотни тысяч тонн, а его крепления в стыках модулей не рассчитаны на резкие маневры в атмосфере. При таких условиях ни о какой пологой траектории снижения не могло быть и речи. Корабль должен зависнуть, заняв точку геостационарной орбиты точно над избранным для посадки местом, уравнять свою скорость со скоростью вращения планеты… При выполнении этих условий посадка транспорта превратится в вертикальный спуск, как у орбитального лифта, с той лишь разницей, что тот скользит по мономолекулярному тросу, а им придется сообщить кораблю импульс ускорения, который толкнет «Кривич» вертикально вниз, и потом осторожно гасить его…

Колониальный транспорт, постоянно маневрируя двигателями, пересек терминатор и начал входить в тень планеты.

Несмотря на ощутимое напряжение, царящее в рубке, все члены экипажа то и дело бросали короткие взгляды на экраны внешнего обзора, — внизу под «Кривичем» лежал неизведанный мир, призванный стать их новой родиной, и никто не мог относиться к этому равнодушно, тем более что редкие кучевые облака не препятствовали обзору. Четко были видны моря и континенты, незнакомые очертания которых пугали и будоражили воображение. Водная гладь была черной, с непонятными бурыми вкраплениями, континенты и острова — серо-желто-коричневые, с редкими пятнами синего и лилового цветов.

Только один Антон не смотрел вниз. Он уже побывал тут и имел возможность разглядеть планету.

Поверхность внизу быстро погружалась в ночь.

— Может быть, стоит подождать? — спросил Сергей. Место посадки приближалось, и две точки на его дисплее двигались навстречу друг другу. — Садиться в темноте — это дополнительный риск… — напомнил он.

— Включим прожектора, — предложил Антон. — Все равно ведь придется идти по приборам.

— Андрей, твое мнение? — спросил Галанин.

— Компьютеру все равно, — пожал плечами Вербицкий. — Антон прав, день внизу или ночь, а нам придется больше доверять приборам, чем зрению.

— Мы можем подключить инфракрасное видение, — поддержал его Семен.

Галанин кивнул.

Последние вспышки корректирующих дюз окончательно уравняли скорость корабля со скоростью вращения планеты. Точки на дисплеях совместились. «Кривич» находился точно над местом посадки, застыв на орбите.

— Посмотрите вниз! — внезапно воскликнул Семен.

Экипаж на несколько секунд отвлекся от приборов. Они могли позволить себе эту короткую передышку: пока не начался процесс снижения, автопилот бортового компьютера прочно удерживал корабль в заданных параметрах геостационарной орбиты.

— Похоже на город! — изумленно высказался Сергей.

Андрей в растерянности смотрел на экран. Судя по показаниям приборов, под ними была прибрежная полоса. Справа от нее простирался океан, слева, в сотне километров от берега, — горы и несколько долин, которые разведка признала наиболее удобным местом для высадки. Но там, где раскинулась гладь океана, нацеленные вниз видеокамеры показывали невероятную картину — в ночи сияли сотни огней, видимых даже с орбиты!… Нельзя было с уверенностью сказать, что они образуют какое-то упорядоченное, геометрически верное построение, как у освещенных улиц ночного города, но ведь и на Земле города поначалу возникали стихийно и строились как попало, без четкого плана и предварительной разметки!…

Хорошо было видно только одно: огни группировались, образуя скопления светящихся точек, и были неподвижны. То же самое подтверждали приборы. Город!… Не может быть!… Андрей находился в

полном смятении, как, впрочем, и остальные.

— Это не город, — внезапно проговорил Антон, когда всеобщее замешательство стало абсолютно полным и очевидным. — Мы бы отметили факт существования поселения в своем докладе!

Галанин повернулся к нему и резко спросил:

— Объясни, что это значит! И прекрати ломать тут комедию!

Антон вздрогнул. Его лицо потемнело.

— Это деревья, — сдерживая раздражение, ответил он. — Светящиеся древовидные образования, достигающие до пятидесяти метров в высоту, с тонкими длинными волокнами вместо листьев. Они растут прямо из воды и окружены островками фосфоресцирующих водорослей.

— Почему же мы не видели их при предварительной съемке?!

— Было светло, — предположил Сергей. — А они, похоже, светятся исключительно ночью.

— Не очень-то умно, сержант! — Не выдержав, проговорил Семен, глядя на Эйкона.

— Что ты имеешь в виду?! – вспыхнул Антон.

— Не очень умно с твоей стороны устраивать розыгрыши перед посадкой, — повторил навигатор. — Ты должен был предупредить всех заранее!

Антон зло посмотрел на второго навигатора, но промолчал, поймав неодобрительный взгляд командира.

«Семен прав…» — подумал Андрей, заметив этот обмен взглядами. Кончики его пальцев слегка дрожали, когда он положил их на клавиатуру, приготовившись работать.

— Все! Две минуты на отдых! — неожиданно приказал Галанин. — Всем расслабиться!

Экипаж послушно затих. Каждый старался в эти минуты сбросить напряжение, выкинуть из головы все лишнее, еще раз представить порядок собственных действий…

— Начинаем контроль систем!

По рубке управления пробежал легкий вздох.

Устройство колониальных транспортов предусматривало все наиболее вероятные нештатные ситуации, конечно, с точки зрения опыта, накопленного в Солнечной системе. Сейчас, перед началом посадки, в первую очередь тестировались и приводились в полную готовность именно аварийные системы.

Монолитная с виду сфера, в которой располагались грузовые отсеки и криогенные модули с колонистами, на самом деле была собрана из

множества отдельных секций. Технические описания «Кривича» предлагали цифру, свидетельствовавшую о наличии ста сорока автономных сегментов. В данный момент герметичные переборки между ними наглухо закрывались. Каждая автономная секция, в свою очередь, была снабжена собственной системой парашютов и амортизационными подвесками. В случае аварии при посадке колониальный транспорт должен был попросту рассыпаться в воздухе на полторы сотни отдельных частей, и большинство из них наверняка бы уцелело…

— Приготовиться! — Галанин закрыл забрало своего гермошлема. — Начать обратный отсчет!

На центральном дисплее бортовой хронометр высветил табло, где бежали, сменяя друг друга в обратном порядке, цифры.

— Вектора двигателей совмещены!

— Зажигание!

Яростный выхлоп двенадцати сопел мягко подтолкнул корабль навстречу планете.

— Отклонение от вектора 0,005!

— Верхние локационные системы закрыты!

Андрей ввел поправку. На экране перед Антоном вспыхнули цифры.

Семьсот тонн пластика, легированной стали, электроники и человеческой плоти падали с равномерным ускорением навстречу необъятному шару планеты.

— Пересекли условную границу стратосферы. Приборы показывают начало нагрева!

Первая вспышка тормозных дюз осветила экраны обзора, вместе с ней пришла первая, пока еще слабая перегрузка.

«Кривич» покачивало, двигатели ориентации плевались огнем, бортовой компьютер выбрасывал на контрольные дисплеи все больше и больше данных, отражающих тысячи различных параметров обстановки, начиная от плотности атмосферы, движения воздушных масс и кончая глубинной структурой рельефа того места, куда, по расчетам, должен был опуститься корабль.

На высоте тысячи километров заработали расположенные по периметру сферы двенадцать двигательных установок планетарной тяги. Их сопла, направленные вертикально вниз, одновременно выпустили длинные струи пламени.

Падение казалось бесконечным. Андрей взмок, ему страшно мешал гермошлем, по спине катились, неприятно щекоча кожу, крупные капли пота, но он старался не обращать внимания на эти неудобства. Грохот дюз

теперь не смолкал ни на секунду, толчки и раскачивание заметно усилились. На дисплеях кружил калейдоскоп данных. Лазерные дальномеры каждую секунду проверяли пространственную ориентацию корабля и расстояние до поверхности. Зеркальное покрытие сферы уже потемнело, утратив свою отражающую способность, и начало плавиться.

Внезапно отказала одна из двигательных секций.

— Левый борт, крен десять градусов, теряем ориентацию!

Пальцы Антона произвели быстрые манипуляции на пульте, и двигательная установка правого борта, симметричная вышедшей из строя, смолкла.

Падение ускорилось.

— Возвращаемся в вектор!

220 километров… 150… 100…

— Полная тяга!

Струи пламени, расположенные по диаметру сферы, превратились в ревущие столбы огня. Корабль вздрогнул, вбирая полученный импульс торможения. Экипаж вдавило в кресла.

— Двадцать километров до поверхности! Скорость снижения тридцать метров в секунду! Двадцать пять!.. Двадцать!..

Огромный звездный корабль снижался, немного кренясь на правый борт и освещая просторы неизведанной планеты огнем своих двигателей, словно над прибрежной полосой, горами и океаном с небес сходило новое солнце. Обшивка «Кривича» почернела, она дымилась в некоторых местах, вспыхивая и отслаиваясь. Колониальный транспорт снижался над тем местом, где одна из трех широких долин выходила на побережье. В океане посадка вызвала огромную, направленную от берега волну. Несметные полчища каких-то крылатых существ тучами взлетали со светящихся океанских деревьев. Самое удивительное и парадоксальное было то, что они не бросались прочь от опускающегося на берег огненного чудовища, наоборот, с яростным клекотом сонмы звероподобных птиц с широкими кожистыми крыльями и отвратительными злобными мордами ринулись на земной корабль. Одни сгорали в огне его двигателей, вспыхивая в ночи яркими факелами. Другие, оглушенные, падали в маслянистые воды океана, но уцелевшие продолжали бессмысленную, но неистовую атаку на земной звездолет, подчиняясь каким-то необъяснимым инстинктам, выработанным местной эволюцией.

Люди, поглощенные посадкой, не видели их. Обзорные экраны были погашены, а все приборы слежения нацелены строго вниз, на приближающуюся поверхность планеты, до которой оставался какой-то

километр с небольшим.

Начиная посадку, «Кривич» еще на орбите изменил свое пространственное положение. Сфера теперь оказалась внизу, а сам звездолет в ее вершине. Из грузовых модулей, расположенных в нижних сегментах «яйца», выдвинулись телескопические опоры-амортизаторы. Тормозные двигатели продолжали изрыгать пламя, сжигая почву и плавя обнажившийся базальт.

Когда до поверхности планеты оставалось всего несколько десятков метров, колониальный транспорт завис.

— Отстрел! — собравшись с духом, приказал Галанин.

Верхняя часть корабля со взрывом отделилась от грузовой сферы, и огромный шар рухнул вниз. Телескопические опоры со страшным скрежетом приняли удар, что-то лопнуло, на раскаленный базальт с шипением ударила струя жидкости из пробитой гидравлики, сфера осела на один бок и застыла.

«Кривич», уже не похожий на паука, а напоминающий несколько посаженных один на другой дисков, парил в сотне метров над землей. Над ним вращались вертолетные лопасти. Транспорт наконец освободился от своего хрупкого и бесценного груза. Накренившись, он на бреющем полете обогнул сферу и приземлился в полукилометре от нее, за границей обожженного посадочными двигателями круга.

Несколько секунд в рубке управления стояла совершенная, гробовая тишина.

Андрей негнущимися пальцами отстегнул гермошлем и положил его на пульт.

— Мы сели!… – сам еще не вполне веря в это, потрясение проговорил он.

Сергей откинул забрало своего шлема и облизал пересохшие губы. Его лицо напоминало кусок мела.

Семен и Антон посмотрели друг на друга и вдруг одновременно и непроизвольно улыбнулись. Словно сговорившись, они встали, Антон вскинул руку, и Семен с чувством прихлопнул его ладонь.

Вражда была забыта.

— Вот как это делается у нас на Земле! — воскликнул Семен.

Константин Эрнестович отер пот со лба и выдавил себе в рот таблетку. Годы уже не те… Да и сердечко ни к черту для таких посадок… Он шумно вздохнул.

И все же они сделали это, посадив грузовую сферу без малейших повреждений!

Галанин посмотрел на включившиеся обзорные экраны.

Сквозь дым, курящийся от места посадки, проглядывала черная, маслянистая гладь океана, по которой еще бродили пологие волны. Тучи каких-то птиц черными мятущимися тенями роились в воздухе.

— Ну вот, ребята… — растерянно проговорил он. — Мы дома…

Глава 4. ПЕРВЫЕ ШАГИ

Ночь… Даже на родной Земле это слово ассоциируется с чем-то таинственным. Она полна шорохов и звуков. По ночам встречаются влюбленные и совершаются преступления…

Здесь все было иначе.

Прошло около часа, и чадные костры от подожженной посадкой растительности догорели, мрак обступил покосившуюся набок сферу и застывший неподалеку колониальный транспорт.

В километре от места посадки величественно полыхали в ночи неестественным, призрачным светом гигантские деревья, и в их кронах шла своя, неведомая и чуждая людям жизнь. Там метались какие-то темные силуэты, и до места посадки то и дело долетали протяжные вопли…

На куполообразной рубке «Кривича» ярко вспыхнули гроздья прожекторов, раскроив тьму, подкравшуюся к кораблю, косыми столбами света.

Мягко раздались в стороны бронеплиты обшивки, и две автоматические пушки приподнялись над транспортом на телескопических треногах. Повернув стволы, они застыли, нацелившись в разные стороны.

Экипаж уже пришел в себя после посадки. Не сговариваясь, все собрались в центральном отсеке «Кривича».

На этот раз обстановка была намного лучше, чем во время последнего собрания, хотя лица людей осунулись, многих, очень многих недоставало, но из глаз оставшихся в живых исчезло выражение затравленности, обреченности и злобы.

— Нам нужно наметить план дальнейших действий, — сразу же перешел к делу Галанин. — Мы сели, но практически не имеем представления — куда. Теперь наша задача — осмотреться, провести необходимые исследования и развернуть временную базу на месте высадки.

Он посмотрел на собравшихся и заметил, что Антон хочет высказаться.

— Да, Антон, говори.

Сержант встал.

— Я считаю, что мы не должны никого будить, — заявил он. — Нужно справиться своими силами, хотя бы до тех пор, пока не развернем базу.

— Почему?! – запротестовал Сергей.

— Потому что если к враждебной планете добавить еще и безответственных людей, то мы попросту погибнем. Пример моего разведывательного корабля, по-моему, вполне наглядно показал, какая категория людей преобладает в загруженных криогенных модулях!

— Антон абсолютно прав! — вступил в разговор Семен. — Я не берусь судить о моральных и деловых качествах людей, погруженных в гиперсон, но их реакция на окружающую реальность будет неоднозначной. Я не знаю, какой процент от общего числа колонистов составляют люди решительные и трезвомыслящие, но все вы знакомы с колониальной политикой Всемирного правительства! В число колонистов мог попасть любой, пожелавший покинуть Землю, каковы бы ни были причины такого желания, и всем без исключения были обещаны райские кущи…

— Нет, так что же это получается?! – возмутился Сергей. — Мы мало того что разведали планеты и посадили транспорт, так теперь должны еще и пахать, чтобы они проснулись на всем готовом?!

Молчавшая до сих пор Светлана внезапно встала и проговорила:

— Спроси у Виктора, который чуть не истек кровью, что он думает по этому поводу! — возмутилась она. — Сережа, неужели ты до сих пор не понял, что пора забыть о Земле, ее обещаниях, а тем более об этих неизвестно кем выдуманных инструкциях! Все это абсолютно несостоятельно! Есть эта планета и есть мы, те, кто прилетел сюда, чтобы жить! Только нам решать, как действовать дальше!

— Спокойнее! — потребовал Галанин. Он дождался, пока утихнет ропот и наступит тишина. Заложив руки за спину, он прошелся по салону между сидящими. — Светлана только что сформулировала один из основополагающих принципов нашей будущей жизни, — проговорил он, остановившись посреди зала. — Мы должны выработать новую схему организации колонии. Все, что спланировано на Земле, особенно массовое пробуждение колонистов, на следующий день после посадки, мягко выражаясь, несостоятельно. Вопрос же заключается в другом: готовы мы принять на себя всю ответственность и, следовательно, все тяготы нынешнего положения? Как справедливо заметил Семен, человеческий фактор совершенно непредсказуем. Наше преимущество в том, что мы, — он обвел взглядом присутствующих, — уже сработались и знаем друг друга. Мы — команда, а не разобщенная толпа. Я абсолютно согласен с мнением, что будить колонистов преждевременно. Но если мы примем такое решение, то на него нужно пойти сознательно, всем, а не из-за принципа или же под давлением большинства.

— А разве есть альтернатива? — усмехнулся Сергей.

— Конечно, — ответил командир. — Мы выполнили свою миссию. Сфера, которая, по сути, и есть колония, доставлена на планету. Экипаж «Кривича» больше не связан с колонистами никакими обязательствами, теперь мы можем стартовать и начать поиск путей возвращения на Землю.

В зале наступила гробовая тишина.

— Хорошо, — спустя некоторое время произнес Галанин. — По-моему, это очень важный вопрос. Я не могу навязывать вам каких-то решений, а потому предлагаю подождать до утра. Пусть каждый обдумает сказанное тут и примет свое…

Его слова прервал внезапный лай автоматической пушки.

За обшивкой корабля что-то звонко лопнуло. Люди повскакивали с мест, обернувшись к экранам, но вокруг уже царили тишина и мрак…

— У нас нет времени до утра… — проговорил Антон, вглядываясь во мрак. — Мы должны разворачивать базу немедленно…

* * *

Ночь…

Под ногами пятерых мужчин, облаченных в белоснежные скафандры, тихо похрустывал пепел. Ноги тонули в нем почти что по щиколотку, и цепочка неровных следов протянулась от люка «Кривича» к подножию покосившейся сферы.

Андрей, привстав на перевернутый ящик, легкими ударами молотка отколол спекшуюся корку, она хрустнула, словно яичная скорлупа, и отвалилась неровными пластинами, обнажив под собой ноздреватую, словно изъеденную страшной болезнью броню. Вставив специальный ключ в очищенное от окалины гнездо, он с замиранием сердца дважды провернул его. Раздался сухой щелчок, затем скрип, и вдруг квадратный метр обгоревшей брони со стоном ухнул вниз, подняв с земли тучу пепла.

— Черт! — Константин Эрнестович отскочил в сторону и задрал голову, пытаясь рассмотреть, что же творится в открывшемся провале.

Там ровным светом сияли бесчисленные цепочки зеленых огней. Это было удивительно, почти невероятно, но факт, как говорится, был налицо — все модули сферы пережили посадку без серьезных повреждений!

— Давай, Андрюша, — проговорил он в коммуникатор, и его голос почему-то дрогнул. — Проверь питание и начинай с главного грузового шлюза.

Он отвернулся, глядя, как удаляются в ночь три пятна света, — это

Антон, в сопровождении двух биологов — Семена и Светланы, понес клетки с подопытными животными за границу выжженного двигателями круга.

Галанину было радостно, страшно и больно одновременно. Он смотрел на темный горизонт, где полыхали призрачные алые столбы, и почти физически ощущал кричащую чуждость всего, что окружало земной корабль. Может быть, такое влияние оказывала ночь и пережитый при посадке стресс, но скорее всего дело было не в этом, — Константин Эрнестович знал, что перешел Рубикон. Сколько бы ему ни было отпущено в этой жизни, но больше уже никогда он не увидит кристального сияния звезд…

Его снедала тревога, сомнения терзали душу, и простой человеческих страх перед неведомым таился во всех закоулках сознания. Беда Галанина была в том, что он, единственный из всех, не имел права на проявление этих чувств. Достанет ли у него сил тянуть до конца лямку командира… или пришла пора и он должен отдать бразды правления молодым?…

— Константин Эрнестович! — прервал его мысли голос Андрея. — Все нормально! Механизмы работают!

Он повернулся.

В днище сферы завыли сервомоторы. Поначалу казалось, что им будет не под силу открыть обгоревшие створы, но вот те дрогнули и медленно поползли в стороны, и тут же из образовавшейся щели вниз хлынул поток яркого света.

Андрей спрыгнул с ящика и отряхнул руки. Габаритные огни его скафандра, сиявшие во мраке голубыми искорками, внезапно поблекли, и чужая, враждебная людям ночь попятилась, отступая под напором бьющего из чрева сферы светового потока.

С гулким ударом телескопический трап коснулся обгорелой земли, и тут же по бокам от него выдвинулись прожектора, и из недр сферы вниз поползли матовые языки пандусов, предназначенные для машин.

Техника спускаемого модуля работала. Начало было положено.

Вместе с Андреем Галанин поднялся по трапу вовнутрь. Зарешеченные балконы и лестницы шли далеко вверх, извиваясь по периметру овального колодца грузовой шахты, как горный серпантин. Шагая по кольцевым балконам, астронавты открывали различные секции, сверяясь с бортовой декларацией грузов.

Самым ценным после людей на борту «Кривича» по праву считались роботы. Как ни порочна была колониальная политика во многих своих пунктах, но она не могла отменить или же игнорировать технологии

двадцать пятого века. Грузовые ангары сферы были полны машинами, без которых первые годы становления колонии были бы немыслимы.

Андрей открывал законсервированные секции и нажимал определенные сочетания кнопок на темных выпуклых бортах с чеканными клеймами передовых фирм-производителей Земли.

Активация… Активация… Активация…

Это звучало как заклинание. Невзрачная, покосившаяся набок сфера оживала, наполняясь шумом моторов, вздохами вентиляции, резкими звуками гонгов, шипением и утробным воем.

— Константин Эрнестович, мы возвращаемся! — раздался в коммуникаторе командира голос Антона.

— Как крысы? — спросил Галанин.

— Да вроде ничего. Когда открыли отверстия в клетках, сначала заметались, потом долго принюхивались, а теперь освоились, едят Светланино угощение. — Он усмехнулся. — Главное, что они не сдохли.

— Смотри, Антон, далеко не уходите.

— Нет, не волнуйтесь. А как у вас? Мы видим свет. Вы вскрыли сферу?

— Да, — ответил Галанин. — Пока что все складывается хорошо, Антон. Будьте осторожны и возвращайтесь побыстрее!

Сухой щелчок, и далекий голос Антона исчез. Галанин спустился вниз, попутно наблюдая, как закипает жизнь механического муравейника. Первые машины уже выгрузились на поверхность, и их следы разбегались в различных направлениях от корабля. В основном это были автономные многофункциональные аппараты, созданные для монтажных работ. Роботы, способные добывать и перерабатывать сырье, будут разгружены намного позже. Сейчас самым важным было оглядеться, защитить себя от возможных опасностей неведомого мира, научиться противостоять им, попутно создавая свой изолированный от планеты мирок, куда придут пробудившиеся колонисты, — сверхзадача оказалась проста до безумия, — выжить до того момента, пока безопасность колонии не будет обеспечена хотя бы на девяносто процентов…

Пока что все складывалось удачно… Галанин поймал себя на том, что в который раз мысленно повторяет эту фразу, и она почему-то вызывает не удовлетворение, а наоборот, — он испытывал сосущее чувство тревоги.

Впереди, в стороне от «Кривича», во мраке вспыхнули яркие фонтаны искр. Какой-то из роботов включил свой сварочный аппарат, приступая к монтажу первых секций защитного периметра.

Антон был совершенно прав, их единственный союзник сейчас — это скорость…

Он представил, как местные животные, даже самые злобные и опасные, очертя голову удирают сейчас от того места, где с небес опустилось безжалостное пламя. Когда они осмелятся вернуться в исконные места обитания, их будет ждать сюрприз в виде опоясанной высокими стенами, отлично защищенной базы…

Галанин довольно усмехнулся, представив себе эту картину. Но эта улыбка тут же погасла, когда он вспомнил о существовании различных микроорганизмов. Для них ни один защитный периметр не будет преградой…

Он ступил на землю и пошел в сторону ослепительных снопов искр. Нужно было присмотреть за роботами. Они, конечно, смышленые, но лучше все же проконтролировать на первых порах. Не то приварят еще забор прямо к броне «Кривича»…

Фигура командира скрылась во мраке. Константин Эрнестович делал свои первые шаги по незнакомой земле и даже не подозревал, что основная опасность будет исходить отнюдь не от микроорганизмов и проявится она, увы, слишком скоро…

* * *

Всю ночь вокруг места посадки плясали огни. Снопы искр от сварочных аппаратов поднимались все выше, по мере того как наращивались новые секции шести вышек защитного периметра. Все необходимое для этого нес на борту колониальный транспорт. Стандартный, рассчитанный и сконструированный на Земле периметр должен был охватить площадь в три квадратных километра. На этом запас арматуры будет исчерпан. В складах еще оставались секции для монтажа двух герметичных куполов, но на остальные сооружения колонии материалов уже не было. Для дальнейшего строительства предполагалось использовать саму транспортную сферу, демонтируя которую колонисты будут постепенно возводить новые здания внутри защищенного периметром участка. Но до этого еще было очень далеко. Пока внутри сферы работали криогенные модули, никто и не думал о том, чтобы прикоснуться к ее обшивке…

Ночь была тихой, безветренной и теплой. Установленные на транспортной сфере и на самом «Кривиче» прожектора разгоняли мрак, заливая строительную площадку своим мертвенно-бледным светом, но за границами этого круга по-прежнему клубилась, обжимая со всех сторон

освещенный участок, таинственная тьма, в которой то и дело возникали смутные тени. Автоматические пушки молчали. Лишь изредка из тьмы доносился душераздирающий клекот или сквозь звон арматуры и шипение горелок можно было различить что-то похожее на тяжкие взмахи огромных крыльев, и снова все умолкало, лишь деловито завывали сервомоторы роботов.

Через восемь часов после посадки горизонт над безбрежной гладью океана немного просветлел, и алое сияние деревьев поблекло, уступая нарождающейся заре.

Незадолго до рассвета пять человек покинули границы строящегося периметра.

Они шли гуськом, поддерживая дистанцию в пять метров. Неровная цепочка их следов тянулась по откосам песчаного пляжа, теряясь в слабом свете занимающегося утра.

Антон шел последним, намеренно заняв самую опасную, по его мнению, позицию. Его руки лежали на автомате, ремень которого был перекинут через шею. Походка сержанта казалась расслабленной, но взгляд, постоянно обегавший окрестности от приближающихся зарослей до черной, маслянистой глади лагуны и обратно, выдавал его внутреннее напряжение. Если бы его сейчас увидела Ольга, то обязательно бы поддела: «Что, сержант, уже не чувствуешь себя крутым?»

Да, они все неуловимо менялись. Слишком велико оказалось свалившееся на молодых ребят бремя. Куда-то исчез смех. Они похудели, их лица заострились, и голоса стали резче. Для большинства из них шаг из юности во взрослую жизнь оказался слишком быстр. Андрей с удивлением, несколько раз ловил себя на мысли, что ему приходится делать то, что еще вчера казалось уделом взрослых.

Мысли Антона были более прозаичны. Единственное, что ощущал в этот момент командир маленькой разведгруппы, — это опасность. Она была повсюду: в маслянистой, стоячей воде залива, в алых столбах света, исходящего от разбросанных по черной глади деревьев, в смутных тенях, мятущихся в их кронах, в проступающих впереди темных зарослях, в небе, в песке, в тишине… Опасность была повсюду и воспринималась им на рефлекторном уровне, он ощущал ее, но был бессилен вычислить конкретный источник и оттого заметно нервничал, теряя самообладание.

«Дрянь наше дело…» — непроизвольно думал он, загоняя в глубь сознания собственный страх. Сейчас он был рад призвать на помощь все самые древние и темные инстинкты, лишь бы выжить, устоять в начинающейся схватке. А в том, что она уже началась, Антон не

сомневался ни на секунду.

Шаг по песку… Тонкие струйки осыпаются в след, заполняя его до половины. Перед глазами покачиваются спины ребят, сгорбленные под грузом аппаратуры. Он должен их защитить. Пальцы Антона крепче сжали теплую от вспотевших ладоней сталь. Его обязанностью было предугадать любую опасность в вязкой тишине нарождающегося утра…

От нервного напряжения начинало звенеть в ушах. Планета была не просто гнетущей, в понимании Антона планета была ЧУЖОЙ… что бы там Константин Эрнестович не толковал им про новую родину. Все это чушь. Никогда у них не получится никакого синтеза с этой враждебной тишиной и нагоняющими дрожь, уж совсем нечеловеческими алыми аурами… Нет. Антон непроизвольно тряхнул головой в унисон собственным мыслям. Все должно быть не так. Есть люди, которые пришли сюда, чтобы выжить. Они победят, если не будут допускать в свое сознание никаких иллюзий. Эйкон чуть усмехнулся, скривив уголки губ. Сталь автомата приятно упиралась в ладонь. Забыть о Земле. Взять то, что есть, и сделать ЭТО Землей. Антон вновь усмехнулся, но теперь уже увереннее и заметнее. Может быть, ребята не понимают, что с момента посадки УЖЕ началась война. Он объяснит им… А может быть, раньше это сделает сама планета.

Они дошли до границы леса, и Антон остановил отряд.

— Семен, теперь ты будешь замыкающим, — распорядился он. — Я пойду вперед. Света, ты в центре. Андрей с Сергеем будут прикрывать тебя с боков. — Он приметил просвет в зарослях, напоминающий звериную тропу, и нехорошие предчувствия вновь заполнили его разум. — Так… Если кто заметит постороннее движение, сразу падать. Лучше на спину, сгруппировавшись, оружие в руках. — Он внезапно качнулся в сторону и упал, мягко, по-кошачьи откатился в сторону, описав стволом автомата широкий полукруг. — Вот так приблизительно, — пояснил он, вставая и тщательно отряхиваясь. — Команд не ждите. Помните, каждый защищает свою жизнь и по возможности — жизнь товарища. Сейчас нам лучше сначала стрелять, а уж потом разбираться, что к чему.

Семен хотел что-то возразить, но потом пожал плечами и промолчал.

Они стояли на опушке странного образования, лишь отдаленно напоминавшего лес в земном понятии этого слова, и непроизвольно прислушивались. Ночью, выходя из лагеря, они слышали вдалеке целую какофонию звуков, но здесь царила тишина, как будто с рассветом все вымерло…

— Вперед… — скомандовал Антон.

Тихо, без суеты и слов они тронулись в путь. Каждый чувствовал

гнетущее давление неизвестности. Говорить не хотелось:

Светлана шла в центре отряда. Она чувствовала заботу Антона и была благодарна ему, хотя мысли биолога были сейчас очень далеки от личных проблем. Лес притягивал и одновременно пугал ее. Их окружали странные образования, внешне напоминающие древовидные папоротники. Над головами смыкались похожие на опахала листья, с которых то и дело срывались тягучие капли жидкости. Их стволы покрывали шелушащиеся наросты, словно гипертрофированные чешуйки. Стволы не ветвились, а росли пучком от корня, и каждый венчался одним или несколькими широкими листьями. Некоторые из них по какой-то причине гнулись к земле, закручиваясь причудливыми узлами. Воздух пах мятой, резко и неприятно.

Светлана протянула руку и отломила часть широкого листа, почувствовав сквозь перчатку, что он покрыт микроскопическими волосками. Уложив образец в кофр, она заметила, что место излома моментально покрылось проступившей изнутри желеобразной массой.

Отряд двинулся дальше, Светлана закрыла кофр с образцом, стараясь не сбиться с ритма шагов. Им повезло, и атмосфера планеты оказалась вполне пригодна для дыхания человека, а вот вопрос о том, насколько строение местных органических молекул подходит под метаболизм людей, оставался открытым. Это они смогут выяснить, собрав необходимое количество образцов флоры и фауны… А пока что даже простое прикосновение незащищенной рукой к какому-нибудь растению могло вызвать аллергическую реакцию, отравление или смерть… Она поправила кислородную маску, втайне надеясь, что пропускаемые фильтром флюиды запахов не опасны…

Внезапно резкий вопль какого-то животного разорвал утреннюю тишину, заставив небольшой отряд замереть на месте. Антон отскочил в сторону, вскинув оружие, но не выстрелил, — хруст ломаемых ветвей удалялся в сторону от тропы.

Андрей отер выступившие на лбу капельки пота. «Пронесло…» — подумал он.

Этот инцидент не прибавил им энтузиазма, наоборот, таинственность и враждебность окружающего их леса стали ощутимее.

Каждый помимо своей воли думал о том, как невероятно трудно будет приспособиться. Светлана понимала это лучше, чем кто-либо. Даже если белки и аминокислоты исконной жизни окажутся приемлемы для человека, все равно над колонией еще много лет, как дамоклов меч, будет висеть опасность внезапных эпидемий, отравлений, ожогов от сока растений и так

далее… По ее оценкам, должно будет смениться как минимум пять поколений, прежде чем их потомки обретут некий синтез с природой планеты, частично изменив свой метаболизм. Альтернативы подобному постепенному слиянию с исконной жизнью попросту не было. Местная биосфера тоже будет меняться, поддаваясь целенаправленному воздействию людей, — земные растения и животные постепенно начнут соседствовать с исконной жизнью, но как труден и долог будет этот процесс…

…Через час с небольшим звериная тропа вывела их на поляну, в центре которой располагалось болотце с окнами стоячей воды.

— Все… — проговорила Светлана, опуская кофр с аппаратурой и собранными образцами. — Остановимся здесь. Лучшего места нам не найти.

Антон критически оглядел подступающие прямо к болоту заросли и кивнул.

Они молча распаковали аппаратуру. Антон занял центр поляны, хмуро разглядывая заросли. Оружие он держал наготове. Остальные разбились на двойки: Семен работал со Светланой, а Андрей с Сергеем.

Солнце уже оторвалось от вершин маячившего у горизонта горного хребта. Начинался день. Гнетущая тишина незаметно отступила, сменившись шорохом листвы от народившегося ветерка. Заросли уже не казались безжизненными. Из них то и дело доносились странные, непривычные человеческому уху звуки, отдаленно напоминающие протяжное кваканье и тонкие пересвисты… Изредка до людей долетал хруст ломаемых ветвей.

Первое происшествие не заставило себя ждать. Треск ветвей под ногами или лапами неведомой твари внезапно приблизился, и на поляну выскочило странное животное.

В первый момент все оцепенели, бросив работу.

Животное выглядело совершенно экзотично. Не обратив никакого внимания на застывших людей, оно двинулось в сторону болотца, неуклюже переваливаясь на двух широких лапах, чем-то напоминающих конечности земной утки, только несравненно больше и уродливее. Эдакая полутораметровая жаба-переросток с твердым плоским клювом вместо рта. Под черной, бугристой и осклизлой кожей заметно перекатывались мощные мускулы. Два крохотных глаза, без зрачков, подернутые желтоватой пленкой, смотрели в одну точку.

Жабоклюв, как моментально окрестил животное Сергей, нимало не смущаясь присутствием незнакомых существ, вразвалку проследовал до

ближайшей лужи и принялся шумно пить.

Антон, вскинув автомат и не спуская глаз со странной твари, медленно пятился назад, готовый в любой момент открыть огонь. Светлана, забыв про опасность, увлеченно щелкала камерой. Семен снимал сцену на видео. Андрей с Сергеем попросту оцепенели, разглядывая гиганта.

Жабоклюв наклонился, с шумом всосав мутную жижу, и замер. Внезапно из его спины вверх ударил фонтан почти что полностью прозрачной жидкости. Он снова склонился к болоту, погрузив костяной клюв в стоячую воду, и начал всасывать ее в себя…

— Он ест! — воскликнула Светлана.

При звуке ее голоса животное вздрогнуло и, прекратив пить, повернулось. Андрей отметил, что у него отсутствует шея, чтобы посмотреть в сторону, жабоклюву пришлось развернуться всем телом.

Светлана, сначала испугавшаяся, теперь улыбалась, глядя, как животное пытается определить, что же издало непонятный, напугавший его звук.

Она опустила камеру и резко, звонко хлопнула в ладоши.

Реакция была потрясающей. Желтые глазки животного округлились от ужаса, и стокилограммовая туша вдруг взвилась в воздух в бесподобном по своей мощи и неуклюжести прыжке. Покрыв им не меньше двадцати метров, гигантская лягушка врезалась в заросли и скрылась из виду, издавая протяжный переливчатый свист…

Антон медленно опустил автомат и укоризненно взглянул на Светлану:

— А если бы он прыгнул на тебя?

— Извини, не подумала. Но ведь все обошлось…

— А навонял-то он… тьфу… — вмешался Семен.

Антон, не выдержав, улыбнулся. Жабоклюв, сам того не ведая, разрядил обстановку. Оказывается, тот черт, которого рисовало их воображение, не так уж и страшен…

Солнце поднималось все выше. Наскоро перекусив, они продолжили работу. Образцы почв, пробы воды и воздуха, несколько кернов из забуренной тут же на поляне скважины уже были упакованы в специальные кофры.

Долгий и жаркий день разгорался над планетой, и терморегуляторы их защитных костюмов едва справлялись с переизбытком тепла. На земле в такую погоду впору было раздеться до плавок и спрятаться в тень… Андрей поднял голову и посмотрел на диск звезды, упорно карабкавшийся к зениту. Над поляной струилось знойное марево, в тени под деревьями клубилась мгла испарений. Вместе с жарой усиливался и треск в окружавших поляну зарослях. Болотце служило местом водопоя и

кормежки не только гигантской жабе. Но другие животные, видимо более осторожные и сообразительные, нежели жабоклюв, не осмеливались показаться на поляне, озадаченные и напуганные присутствием странных двуногих существ.

Сергей закончил упаковывать образцы и подошел к Андрею. Достав сигареты, он протянул пачку Вербицкому и сказал:

— А ведь все не так уж и ужасно, как казалось поначалу, верно?

Андрей кивнул, прикрывая огонек зажигалки ладонью. Прикурив, он с наслаждением затянулся.

— Да, ночью все выглядело жутко… — согласился он. — Да и когда эта жаба выползла на поляну, тоже, знаешь, было не очень-то уютно…

Сергей улыбнулся. Несмотря на жару и заливающий глаза пот, ему отчего-то было весело. Даже горячечный диск звезды не казался в этот момент таким враждебным, как прежде. Он запрокинул голову, разглядывая лазурные небеса, по которым неторопливо ползли три точки.

«Наверное, птицы», — подумал он, наблюдая, как точки развернулись, заложив круг над поляной, и внезапно ринулись вниз…

— Ребята, поберегитесь!… – только успел вскрикнуть он, как на поляну из поднебесья обрушились три стремительные тени.

Все произошло так быстро, что никто не успел опомниться. Звонко и зло ударила автоматная очередь, и одновременно с ней над поляной грохнуло три взрыва, слившиеся в один рокочущий хлопок.

Андрей отшатнулся, потому что ему в плечо внезапно ударила какая-то осклизлая масса. Он отскочил, брезгливо отряхиваясь от забрызгавшей защитный костюм бурой слизи, едва не споткнувшись об рухнувшую ему под ноги тварь.

Посмотрев на землю, он выронил сигарету и попятился.

— Что за дерьмо… — непроизвольно вырвалось у него, едва он разглядел корчившееся в агонии животное.

Это была сама квинтэссенция смерти!… Ночной кошмар, внезапно обретший конкретную, осязаемую форму!… Он сплюнул, отступив еще на несколько шагов, пока тварь издавала яростное шипение, сотрясаясь в конвульсиях.

Животное имело почти полтора метра в длину и было разорвано точно по центру своего симметричного туловища. Из зияющей раны сочилась темная, почти черная кровь и выделялся вонючий тошнотворный газ, по запаху напоминавший вонь от протухших продуктов. «Сероводород…» — догадался Андрей, изо всех сил пытаясь удержать свой желудок от сжимающих его спазмов.

Животное в последний раз издало злобное шипение и, дернувшись, затихло. Пересилив отвращение и страх, Андрей подошел ближе. Первая аналогия, которая пришла ему на ум, была связана с медузами. Действительно, обрушившаяся с небес тварь сзади очень походила на этих обитателей подводного мира Земли. Мощные кольцевые мышцы образовывали обрамленное щупальцами узкое «сопло», расположенное в противоположной голове оконечности туловища, которое постепенно утолщалось, образуя нечто, напоминающее кожаный мешок, в данный момент разодранный выстрелами и взрывом, по бокам которого безвольно обвисли два широких перепончатых крыла, в точности как у летучей мыши. Андрей с содроганием отметил, что они сплошь покрыты отвратительными на вид присосками и чем-то отдаленно напоминающим когти… Но самой жуткой частью этого летающего монстра, конечно, была морда. Три глаза — один во лбу, а два по бокам, в районе ушей — еще горели злобным блеском. Носовые отверстия были углублены в череп, словно их вдавило внутрь, подчеркивая и без того выдвинутые вперед мощные челюсти с обнаженными клыками и двумя рядами острых зубов.

Андрей разглядывал тварь с непонятным, паническим любопытством. Ему не верилось, что все происходит наяву и перед ним действительно лежит это чудовищное создание, вобравшее в себя все самые отвратительные черты… Да, если бы какой-нибудь земной ученый задался бы целью скрестить гиену, медузу, мышь-вампира и черного грифа, то, возможно, у него и вышло бы нечто, отдаленно похожее на эту тварь…

Сзади раздались шаги.

Самообладанию Антона можно было только позавидовать. Включив карманный анализатор, он наклонился и сунул прибор в развороченную утробу издохшей твари.

— Черт… Как ты можешь… — Андрей отвернулся, чувствуя, что еще немного, и его вырвет.

— Света, посмотри! — Антон включил крохотный экран анализатора, соединенный с прибором тонким кабелем. — Похоже, оно синтезирует водород!…

Светлана взглянула на экран.

— Да, — кивнула она, изучив показания прибора. — Ты прав. Оно действительно синтезирует водород, накапливая его вот тут, — она указала на взорвавшийся кожаный мешок. — Это что-то аналогичное воздушному пузырю у наших рыб! Накапливая или же сбрасывая водород, это существо получает возможность парить в воздухе, как воздушный шарик!

— Ни хрена себе шарик! — Семен с отвращением посмотрел на

распластавшуюся по земле тварь. — Ты взгляни на эти кольцевые мышцы! Чем тебе не реактивное сопло?! Наверняка оно выбрасывает накопленный под давлением водород!

— Универсальный летающий организм! Он может парить, планировать, махать крыльями или использовать собственный реактивный двигатель! — Антон покачал головой. — Такие твари, если они нападут стаей, могут создать настоящую проблему…

— Интересно, почему они взорвались? — спросил Андрей, присев на пригорок и беспокойно разглядывая небо.

— Гремучая смесь, — предположил Антон, вытаскивая анализатор. Вытерев измаранный прибор о траву, он уложил его в кофр и продолжил: — При разрыве пузыря водород смешивается с кислородом из атмосферы. — Закрыв кофр, он разогнулся и тоже взглянул на небо. — Пуля воспламеняет смесь и… — он сделал выразительный жест в сторону разбросанных по поляне останков. — Адьё…

— По-моему, пора двигать назад, — проговорил Андрей. — Хватит на сегодня…

Антон искоса посмотрел на него и достал сигарету.

— Спокойнее, Андрюша, — иронично ответил он. — Нам здесь жить. Начнем бегать — пробегаем всю жизнь.

— Но…

— Никаких «но». — Тон Антона изменился. — Нужно учиться, чтобы каждый мог постоять за себя. А никто из вас даже не вспомнил об оружии!

Упрек был заслуженным. Они действительно растерялись, и если бы не сержант, то неизвестно, чьи останки были бы сейчас разбросаны по поляне…

— Ты прав, — нарушил молчание Семен. — Нам нужно быть начеку, и еще многому придется учиться, но рисковать ради тренировки — уволь. — Он посмотрел на сержанта и поднял с земли запакованный кофр. — Пора назад, командир, — без тени иронии, твердо заключил он.

Через полчаса отряд вновь ступил на знакомую тропу, двигаясь в обратном направлении. Андрей и Семен помимо оборудования тащили запакованное в полиэтиленовый мешок тело убитой твари. Светлана настояла на том, чтобы доставить его в лагерь для более полного исследования. Названия этому существу так и не придумали и, не сговариваясь, называли его просто: тварь.

Лес давал тень, но не спасал от жары. Здесь было еще хуже, чем на поляне. Перенасыщенный влагой воздух затруднял дыхание, обжигая легкие даже сквозь защитные маски и фильтры. Через четверть часа их уже

пошатывало от усталости.

Андрей шел вслед за Семеном. Тяжелая ноша выворачивала пальцы, и он никак не мог сосредоточиться на ходьбе, чтобы не выбиваться из ритма дыхания. К тому же ноги по щиколотку тонули в перегное, где прятались твердые, узловатые корни.

Он весь отдался физическим усилиям, стараясь идти в ногу с Семеном, но мысли сами лезли в голову, несмотря на усталость. Впечатлениями он был сыт по горло, — на Земле он не испытал бы ничего подобного за всю свою жизнь, но эта экзотика уже начинала приедаться… Он представил себе жесткую корабельную койку и едва не потерял равновесие — такой далекой и желанной показалась ему эта полоска сдобренного поролоном пластика, в окружении надежных бронированных стен… Сейчас он не верил, что их дети или внуки смогут жить в свободных поселениях, под открытым небом. Конечно, будущее рисовалось ему достаточно смутно, но в неясных видениях, которые могло породить его воображение, почему-то неизменно присутствовали глубокие бункера и герметичные двери…

Спустя два часа отряд наконец вышел на побережье. У всех без исключения вырвался облегченный вздох, когда они разглядели вдали сверкающую в лучах звезды сферу колониального транспорта и черные вертикальные черточки вышек защитного периметра. Раскинувшийся за ними лагерь казался отсюда всего лишь темным пятном на светлом фоне прибрежных дюн.

— Привал!… – хрипло объявил Антон.

Они повалились в тени крайних деревьев, там где и стояли, не в силах выискивать более удобных мест. Переход вымотал людей, даже Антон больше не выглядел бодрым, его лицо посерело и осунулось. Сержант сел на песок, чуть в стороне от остальных и, положив автомат на колени, хмуро разглядывал затянутый знойным маревом горизонт, изредка сплевывая из-под кислородной маски.

О чем он думал в этот момент, трудно было даже предположить.

Глава 5. НОЧНАЯ АТАКА

Багровый шар звезды кровавой каплей стекал за линию горизонта, окрашивая темную океанскую гладь в пурпурные тона. Зрелище было величественным и великолепным, и в то же время присутствовало в этих в принципе вполне обычных вечерних красках нечто зловещее и загадочное.

Тихо шелестел ветерок, вращая лопасти ветряных энергостанций. Вдали от берега в живописном беспорядке начинали слабо светиться опалесцирующие ауры гигантских деревьев, которым Светлана придумала звучное название «раворы». В их раскидистых кронах, озаренные слабым струящимся светом, копошились замеченные еще накануне темные тени. Первый день колонии медленно угасал.

Позади за плечами восьми людей лежали двадцать семь часов изнурительной жары. Этот первый день на планете можно было приравнять к целому году, и каждый из них, втайне оглядываясь по сторонам, испытывал гордость при виде сомкнувшихся на ночь пластин солнечных батарей, высоких стен периметра и ажурного стального кружева шести сторожевых башен, на вершинах которых застыли силуэты караульных роботов.

Начало было положено.

Светлана стояла на решетчатой площадке первого яруса сторожевой башни, расположенной как раз на уровне основного ограждения базы. Глядя в кровавые краски заката, потемневшее небо, в котором вот-вот должны были вспыхнуть первые звезды, она испытывала противоречивые чувства. По щеке биолога медленно скатилась слеза. Она смахнула ее и облокотилась о низкие перила. Стальная арматура приятно холодила ладони. Зрение вновь затуманилось, и девушка зажмурилась, пытаясь унять ноющую в груди боль.

За ее спиной на лестнице прогрохотали шаги. На площадку, кряхтя и держась за бок, поднялся Виктор Берг.

— Ты что, Свет?!

— Ничего… — Она смахнула слезу, продолжая глядеть вдаль. — Думала про Ольгу и остальных… — призналась она. — Никак не могу смириться с мыслью, что она…

— Не надо… — Рука Виктора осторожно легла Светлане на плечо. — Откуда ты знаешь… Может быть, они сели на планету и не смогли

взлететь. Ну мало ли что… — Он успокаивал Светлану, хотя сам не очень-то верил собственным словам. — Мы ведь оставили маяки с нашими координатами в точках подбора. Вот увидишь, может быть, они еще появятся…

— Интересно, сколько нас останется потом, — словно не услышав его слова, спросила она. — Потом, когда все уже будет сделано?

Воздух был теплым и нес со стороны океана незнакомые запахи.

Светлана оторвалась от перил и вдруг, сняв со своего плеча руку Виктора, проговорила:

— Мне страшно. Не знаю отчего.

Берг усмехнулся, подойдя к краю площадки.

— А вот я уже не боюсь. По мне, лучше незнакомое небо, чем палубная переборка над головой. Слушай, вы что там, заразились в лесу? — попытался пошутить он. — Антон ходит мрачнее тучи, Андрей какой-то странный…

В этот момент над их головой гулко ударило несколько выстрелов, и сумеречное небо прорезали яркие росчерки трассирующих снарядов.

Светлана вздрогнула, беспокойно оглядываясь. Виктор подался вперед, пытаясь разглядеть за стенами периметра то, что караульный робот принял за источник опасности.

— Черт, я ведь запрограммировал их реагировать только на большие объекты… — проговорил он скорее самому себе, чем Светлане. — Какого же… он стреляет по птицам?…

Светлана резко схватила его за руку.

— Уходим, Витя, быстрее!

— Что случилось?! – Он явно недоумевал.

— Быстрее, уходим, прошу тебя! — В ее голосе звучал неприкрытый страх. — Здесь нет никаких птиц, понимаешь?! Видел ту тварь, что мы принесли из леса? Это они!

— Нет, погоди! — Он шагнул к перилам. — Нужно посмотреть. Не бойся, если что — роботы их не пропустят. Здесь мы в безопасности.

— Внимание! Всем, кто находится вне пределов корабля! — раздался в их коммуникаторах голос Галанина. — Я слышал выстрелы, доложите, что случилось!

Виктор спокойно поправил коммуникатор.

— Константин Эрнестович, здесь Берг… — проговорил он. — Все в порядке, не волнуйтесь. Сработал третий караульный робот. Похоже, сбил кого-то на подступах к периметру. Зажгите прожектора, а я поднимусь наверх, посмотрю в инфракрасную оптику.

— Добро. Кто-нибудь с тобой есть?

— Я тут, — подала голос Светлана.

— Ты возвращайся, — приказал Галанин. — И вообще, что вы там делаете?! – возмутился он. — Я же ясно приказал, всем, кроме дежурной вахты, спать! Сейчас колобродите, а днем, когда надо работать, будете как рыбы вареные!

Она ничего не ответила на гневную тираду командира. Взяв Витю за руку, она потянула его назад.

— Пойдем вниз.

— Погоди, ты же слышала. Я мигом, гляну на робота, может, в компьютере что-то подвисло, и сразу назад. Иди в корабль, я догоню.

— Ну ладно, только ты не задерживайся.

— Сказал же — мигом. Догоню по дороге.

Он полез наверх. Ступени кончились, и на самую верхотуру вели скобы, приваренные к несущим конструкциям вышки. Наверху на небольшой площадке были смонтированы прожектора, между которыми притаилась автоматическая турель караульного робота.

Пока он карабкался, орудие дважды оглушительно рявкнуло, роняя вниз звонкие россыпи стреляных гильз. Откинув люк, он влез на середину площадки, как раз позади турели, и открыл створку на пирамидальном выступе, который вмешал в себе соединенный с орудием компьютер и небольшой пульт ручного управления.

— Сейчас посмотрим, кого ты там гоняешь, — пробормотал Витя, перекинув тумблер режимов в положение «внешний контроль». Включив небольшой экран, он запустил программу инфракрасного сканирования.

В первый момент он не понял, что же происходит на дальних подступах к периметру, а когда разобрался, то не поверил показаниям приборов.

Такого не могло быть!… Со стороны океана на базу надвигалось сплошное ярко-красное пятно, составленное из сотен отдельных сигналов. Некоторые из них вырвались далеко вперед от основной массы, вот их-то и отстреливала связанная с компьютером турель!

— Черт!… Что же делать?! – прошептал он, облизав мгновенно пересохшие губы. — Константин Эрнестович, — позвал Берг, одновременно пытаясь расчленить сигналы и сделать увеличение.

— Да, Витя, что там? Я опять слышал стрельбу…

— Сейчас. Тут приближается какая-то туча, составленная из множества сигналов. Пробую увеличить…

Экран наконец мигнул, и его темное пространство внезапно заполнили бесшумные, совершенно ирреальные изображения. Витя невольно

отшатнулся, словно ему приоткрыли окно в преисподнюю.

К базе, широко взмахивая крылами, приближался сонм чудовищных созданий, каких не могло нарисовать ни одно больное воображение…

Он невольно подался назад, словно испугавшись, что мрачные силуэты выскочат прямо из экрана, споткнулся о наклонную балку, упал, чувствуя, как под ним, взвыв сервомоторами, резко повернулся круглый ложемент автоматического орудия. Стволы турели приподнялись, поймав невидимую цель, и вдруг завибрировали, с оглушительным грохотом выплевывая в небо шквал огня и металла.

Слева ожила другая башня периметра, за ней еще одна, ослепительно вспыхнули прожектора, под аккомпанемент взвывших сигналов тревоги, грохот выстрелов и звонкий перестук стреляных гильз Виктор, вцепившийся в поворотный круг орудия, внезапно увидел, как из поднебесья прямо на него пикируют темные силуэты с распростертыми когтистыми крыльями, словно оттуда валились ожившие демоны из древних земных преданий…

Он онемел от ужаса. Почти первобытный страх пригвоздил его к месту. Мерзкий клекот налетавших на орудие тварей продирал по коже ледяным ознобом. В небе вокруг постоянно расцветали разрывы, сопровождаемые громкими хлопками и ужасной вонью, которая как облако накрыла территорию базы. По стальным конструкциям вышки с отвратительными влажными шлепками барабанили ошметья разорванной снарядами плоти, и казалось, этому не будет конца…

…В ходовой рубке «Кривича», временно переоборудованной под оперативный командный пост колонии, семь человек в замешательстве застыли у обзорных экранов.

Никто не понимал, что происходит снаружи. Одна за другой оживали караульные вышки периметра, и отдельные выстрелы автоматических орудий за считанные секунды перешли в оглушительный вой.

— Светлана! Виктор! — закричал Галанин в коммуникатор. — Что происходит?! Где вы? Ответьте!

Не дожидаясь ответа, Антон схватил оружие и метнулся к выходу.

— Андрей, Сергей, за мной! — на бегу скомандовал он.

Их опередил Семен. Схватив автомат из установленной в рубке пирамиды, он метнулся вслед за Антоном, на ходу пристегивая магазин.

Вербицкий последовал его примеру. Если бы у него было время подумать, то, быть может, он бы и испугался, но мысли Андрея были заняты совсем не этим. Схватив из пирамиды увесистый, ребристый магазин, он пытался на бегу пристегнуть его к автомату, лихорадочно

вспоминая, как это делал Антон. Упрямая железка никак не хотела вставать в гнездо. Черт… Ну давай же! Ну!… Магазин наконец вошел в паз. Впереди уже показались мощные створы главного шлюза, в которые упирался центральный коридор «Кривича».

Антон уже был в шлюзе.

— Быстрее! — заорал он, ударяя ладонью по клавише отпирания наружного люка.

Тяжелая бронированная плита поползла в сторону, и в шлюзовую камеру тотчас же ворвался оглушительный грохот орудий и уже знакомый Андрею тошнотворный смрад. Только сейчас он вспомнил, что ни на ком из них нет кислородных масок.

— Прикройте меня! — закричал Антон, исчезая во мраке. Вслед за ним метнулся Семен.

Андрей выскочил из шлюза, задыхаясь и кашляя. Он ошалело огляделся по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь понять. Взгляд навигатора метался от ослепительных столбов света к извергающим огонь и грохот вышкам. Сзади на него налетел Сергей, и они едва не повалились друг на друга.

Невнятно выругавшись, кибернетик оттолкнул его и тоже скрылся в разодранном вспышками мраке.

В этот момент взгляд Андрея упал на две яркие искры — зеленую и красную, — которые мигали в темноте в нескольких метрах от него. Он моментально сообразил, что это плечевые катафоты защитного костюма. Метнувшись вперед, он увидел Светлану. Она не добежала до шлюза всего нескольких шагов, упав лицом вниз на пластиковые плиты, которыми было вымощено все пространство внутри периметра.

Андрей подхватил ее обмякшее тело и потащил к открытому шлюзу. Уже на пороге она слабо застонала и открыла глаза. Светлана хотела что-то сказать, но не смогла. Ее глаза округлились от ужаса, и из горла вдруг вырвался отчаянный крик.

Андрей затащил ее в шлюз и обернулся.

Тут впору было заорать самому, но он лишь побелел и двумя руками вцепился в оружие, вскинув ствол автомата навстречу трем чудовищным созданиям, которые с шипением и клекотом бежали прямо на него, переваливаясь на кривых когтистых лапах и волоча по пластиковым плитам сложенные за спиной кожистые крылья.

Это были те из тварей, что прорвались сквозь заслон заградительного огня. Теперь им уже ничего не угрожало, — программа, заложенная в автоматические орудия, запрещала им вести огонь вовнутрь защищенного периметром пространства.

Андрей прицелился в среднюю из них и потянул курок. Оружие ответило сухим щелчком. Он похолодел. Не заряжено… Но он же точно помнил, что вставил магазин и передернул затвор!… Патрон должен был быть в стволе!

В отчаянье, граничащем с безумием, он схватился за магазин, и тот внезапно оказался в руках. Не вставил… Черт!… Он снова пихнул его в прорезь, изо всех сил саданул снизу ладонью и, передернув затвор, сжал курок.

Автомат затрясся в руках, словно живой. Находившаяся в двух шагах от него чудовищная тварь внезапно опрокинулась, словно ее со всего размаха ударили молотом. Жуткий вой смешался с брызнувшей во все стороны темной кровью, и внезапно мрак вспорола ослепительная вспышка.

Андрея толкнуло в грудь, повалив в шлюз, но автомат в его руках продолжал злобно трястись, выворачиваясь из пальцев, пока в магазине не кончились патроны.

Вскочив на ноги, он перехватил его за раскалившийся ствол, обжегся, едва не уронив, перехватил за приклад и шагнул из шлюза, держа оружие как дубину.

Половина прожекторов, разбитая или же простреленная, уже погасла, два орудия смолкли, видимо, перезаряжаясь, в воздухе смрадно пахло сероводородом и гарью. Три атаковавших его существа распростерлись на темных пластиковых плитах бесформенными грудами. Два были явно мертвы, третье же агонизировало, издавая жуткие вопли и яростное шипение.

С этой стороны атака была отбита.

Он бросился назад, к шлюзу. Светлана сидела на полу, бессильно привалившись к стене, и полубезумным взглядом смотрела в небо, где в свете уцелевших прожекторов метались десятки, если не сотни черных, демоноподобных силуэтов.

— Как ты? — с тревогой спросил Андрей, склонившись к ней.

— Ничего… — едва слышно ответила она. — Где Витя?… Что с ребятами?

Андрей оглянулся. В пылу схватки он упустил из виду остальных и только теперь заметил, как на фоне ажурных металлических конструкций третьей вышки передвигаются смутные тени. То, что это были люди, свидетельствовали частые вспышки коротких автоматных очередей, спускавшихся все ниже и ниже.

— Они возвращаются!

Через минуту из бурлящего сумрака вынырнули четыре фигуры. Семен

и Сергей поддерживали Берга, помогая ему идти. Антон прикрывал отход, часто оборачиваясь и посылая во тьму короткие прицельные очереди. На освещенном автоматными вспышками лице сержанта было написано бешенство.

— В шлюз! — закричал он, меняя магазин.

Они и так были уже там.

— Антон! — крикнул Семен, положив ладонь на кнопку запирания. — Давай назад, мы готовы!

Но сержант как будто не слышал его слов. Он стоял, широко расставив для устойчивости ноги, и стрелял, вспарывая темноту росчерками трассеров. Над периметром вспыхивали и тут же гасли сполохи разрывов, когда очередная тварь попадала под его губительный огонь. Лицо сержанта было перекошено.

Семен понял, что звать бесполезно. Выскочив из шлюза, он сгреб Антона в охапку и поволок назад.

Через несколько секунд бронированная плита захлопнулась.

Семен разжал руки, выпустив сержанта. Тот резко обернулся, но безумный блеск в его глазах уже потух.

— Извини… — бросил Семен.

Антон вдруг присел, бессильно прислонившись к стене, и прикрыл глаза.

— Все целы? — хрипло спросил он.

— Да… — ответил Сергей. — Пока что все…

Открылся внутренний люк. По коридору им навстречу уже бежал Галанин.

— Ребята, вы все целы?! – с тревогой спросил он, по-отечески обнимая Светлану за плечи. Она не выдержала и вдруг разрыдалась, уткнувшись лицом в грудь командира. Ее плечи часто подрагивали.

— Ну не волнуйся… Все хорошо… Здесь ты в безопасности…

Что-то мягкое тяжело ударило о броню «Кривича». Внешние микрофоны были включены на общую сеть, и скрытые динамики передавали во все закоулки корабля непрекращающийся грохот выстрелов, нечеловеческие вопли, шипение, звон, хлопки разрывов и заунывный вой рикошетящих осколков.

Снаружи бурлил настоящий ад, которому не было никакого объяснения…

— Всем в рубку! — приказал Галанин.

— Нужно что-то делать! — не выдержал Сергей, прислушиваясь к звону, который все явственнее прослушивался сквозь грохот выстрелов. —

Они выбивают прожектора и бьют аппаратуру! — Он инстинктивно бросился к шлюзу.

Его остановил гневный окрик Галанина:

— Назад!

Сергей остановился.

— Это наше дело! — внезапно выкрикнул он. — Без аппаратуры и солнечных батарей колония погибнет! Мы все здесь подохнем!… – Он уже не контролировал себя.

Глаза Антона сузились. Сергей уже начал разворачиваться, но сержант в два прыжка нагнал его.

— Постой!

Сергей обернулся.

— Подожди… Не горячись! — Против обыкновения он просил, а не приказывал. — Мы только потеряем время. Ты не остановишь атаку. И я не остановлю. Нам нужно понять, что случилось. А если ты сейчас погибнешь, нас станет меньше…

Когда Сергей судорожно кивнул и нехотя пошел назад, все вздохнули с явным облегчением.

В ходовой рубке половина экранов уже не работала — были повреждены внешние видеокамеры. На двух из «пяти оставшихся горели красные надписи: „резерв“. Это означало, что скоро модуль останется без видеоаппаратуры. Хотя сейчас это было делом десятым.

Галанин склонился к центральному пульту, набирая команды. Затем достал из кармана ключ, вставил его в панель и открыл небольшую нишу с несколькими скрытыми в ее глубине кнопками. Нажав их в определенной последовательности, он захлопнул крышку и, дождавшись, пока рядом с ней вспыхнет голубой огонек, повернулся к экипажу.

— Сейчас мы получим передышку, — пообещал он. — Я передал управление по коду тревоги бортовому компьютеру.

Галанин устало сел в свое кресло.

— Какие соображения?

Семен вздрогнул. Он, как, впрочем, и все остальные, не мог оторвать глаз от обзорных экранов, где крылатые твари продолжали атаковать защитный периметр. Сколько их полегло под стенами, было трудно даже предположить, но они все пребывали, с непонятным, совершенно необъяснимым упорством кидаясь на уцелевшие прожектора и извергающие огонь автоматические башни.

— Второе орудие выдохлось… — внезапно проговорил Андрей, глядя на индикаторы пульта. — Кончились снаряды…

В его голосе звучала обреченность.

— Ну хватит! — скомандовал Антон. — Поглазели и будет! Нужно решать, что делать!

Все невольно обернулись.

— А ты знаешь, что нужно делать?! – не выдержал Андрей.

— Нет, — отрезал Антон. — Но…

— Мы чем-то спровоцировали атаку! — внезапно воскликнула Светлана, перебив сержанта.

— Ага… им не понравились наши рожи!… – предположил Берг. Он уже немного пришел в себя после пережитого на вышке ужаса.

— Помолчи! — оборвал его Антон. — Света права. Нас атакуют животные. И этой бессмысленной с нашей точки зрения яростью руководит какой-то инстинкт!

Грохот орудий внезапно пошел на убыль, и все, как по команде, обернулись, кто к экранам, а кто-то к пультам.

— Они убираются?! Или у всех орудий кончились снаряды? — спросил Андрей, тщетно вглядываясь во мрак, в котором вспыхивали редкие огоньки.

— Ни то и ни другое… — ответил Галанин, внимательно изучая приборы. — Я не зря передал управление компьютеру, он отменный стрелок, если можно так выразиться. Он сообщает, что все атакующие ксеноморфы уничтожены, и запрашивает дальнейшие инструкции.

Кто-то шумно и облегченно вздохнул.

— Наше счастье, что роботы успели смонтировать автоматические элеваторы к орудийным башням… — сказал Антон. — Константин Эрнестович, дайте команду на полную замену боекомплектов каждого орудия, и пусть компьютер посчитает, сколько у нас осталось в запасе… — посоветовал он.

Галанин согласно кивнул и повернулся к пульту. Остальные встревожено переглянулись.

— Думаешь, они повторят атаку?

— Сегодня ночью — не знаю, — покачал головой Антон. — А на следующую — даю гарантию, что повторят… Если, конечно, мы раньше не додумаемся до сути…

— Света, ты сказала, что ими руководит какой-то инстинкт, но тебе не кажется, что инстинкты этих тварей диаметрально противоположны нашим?! – спросил Семен.

— Почему?

— Потому, что у них напрочь отсутствует инстинкт самосохранения!

Светлана не нашлась что ответить. Задумавшись, она машинально села, достав сигарету.

Нервное напряжение понемногу отпускало людей. Они уже не стояли как вкопанные у экранов. Сергей вместе с Виктором доставали из ниши автомата маленькие подносы с кофе и бутербродами. Остальные расселись в кресла. Антон откинулся на спинку, прикрыв глаза. Андрей, склонясь к приборным панелям, изучал что-то на мониторе слежения. Периметр молчал, и эта тишина одновременно и успокаивала, и внушала подспудный страх. Тьма вновь обступила крохотный, занятый людьми островок побережья…

Вдали величественно сияли раворы.

— У нас не хватит снарядов, если атака повторится… — в наступившей тишине голос Галанина прозвучал как внезапный хлесткий удар.

— Сколько же истратили орудия?! – не поверил Семен.

— Сорок тысяч… — горестно ответил Галанин. — Они работали в режиме заградительного огня, а я сразу не сообразил передать управление центральному процессору! Его мощности хватило бы, чтобы просчитывать цели и вести прицельную стрельбу…

— И сколько осталось?

— Пять тысяч. На шесть орудий.

Новость была ошеломляющей.

— Тем более мы должны найти ответ на вопрос: почему они напали! — Сергей поставил кофе на пульт и развел руками. — Ничего более внезапного, яростного и бессмысленного я не видел…

— А что ты видел в своей жизни? — не открывая глаз, спросил Антон.

Сергей побледнел.

— Прекратите. Нашли время! — возмутился Галанин.

* * *

В чужом небе царили чужие звезды. Выйдя из створов главного шлюза, Андрей невольно задрал голову, подумав, что еще не видел здесь облаков. Впрочем, в данный момент его заботило совсем другое…

Защитные башни периметра молчали. Антон остановился и тоже посмотрел вверх.

— Черти помойные… — выругался он, глядя на разбитые прожектора, покосившиеся антенны и порванные кабели. — Все насмарку!…

Забрало его шлема было приподнято. В руках он сжимал длинный

покрытый изоляцией шест с контактами на конце. Это был наспех смонтированный аналог электрошоковой дубинки.

— Ну и где мы будем искать? — раздался за спиной голос Семена.

Антон огляделся и пожал плечами.

— Придется выходить за периметр, — ответил он.

Три человека пошли к главным воротам. Всего несколько часов назад их повесили на место, и все радовались, предвкушая, как отсюда, из этих самых ворот, будут уходить разбуженные люди, чтобы в конце концов расселиться по всей планете.

Прошло всего лишь пять часов, и теперь сама возможность пробуждения колонистов была поставлена под вопрос. Бешеная атака крылатых тварей не только свела на нет усилия маленького экипажа, — были серьезно повреждены две солнечные энергетические установки, разбито пять ветряков, и колония лишилась большей половины своих защитных ресурсов. Если атака повторится, то колония будет обречена, — цифры, выданные бортовым компьютером, не оставляли места для иллюзий. Бортовые накопители транспортной сферы и самого „Кривича“ были почти что пусты. Без восполнения запасов энергии вскоре будет нечем питать системы жизнеобеспечения криогенных камер…

…Они миновали ворота и почти сразу были вынуждены остановиться. Вонь была невыносимая. Антон закрыл лицевой щиток своего шлема и огляделся. Узкий конус света от закрепленного на голове фонаря выхватывал из мрака жуткие завалы разорванных демоноподобных тел. Повсюду были раскиданы зловонные куски обугленного мяса, оторванные перепончатые крылья валялись на земле, как сморщенные опахала.

— Пошли, — скомандовал Антон.

Они медленно, шаг за шагом двигались вдоль периметра, исследуя груды мертвых существ.

Андрея била крупная дрожь. Он не мог ничего поделать: сжимал зубы, задерживал дыхание, но она не унималась. Полчаса пробирались они через мешанину обугленных тел, но ни одной раненой или оглушенной твари так и не нашли. Все были мертвы, и Андрей знал — почему. Даже смертельно раненные, они, шипя и плюясь, кидались на стены, чтобы в следующий момент умереть. В этой ярости было что-то противоестественное. До сих пор, хотя с момента окончания атаки прошло уже полтора часа, никто из экипажа не высказал ни одной более или менее здравой гипотезы, оправдывающей поведение тварей.

Вернувшись к воротам, они остановились.

— Что будем делать? — спросил коммуникатор голосом Семена.

— Возвращайтесь, — сухо приказал Антон. — Я задержусь, может быть, что-нибудь придумаю, пока осматриваю вышки.

Они подчинились. Семен нехотя, а Андрей с явным облегчением.

Вернувшись на корабль, он прямиком прошел в свою каюту, стянул защитный комбинезон и уселся к терминалу компьютера. Спору нет, — он не обладал железными нервами Антона, не умел стрелять из автомата, но с логикой у навигатора „Кривича“ все обстояло нормально. Он не верил в сверхъестественные силы и был убежден, что законы развития живых существ, так же как и физики, едины для всей Вселенной, а значит, сейчас перед ними не стояло невыполнимой задачи…

Размышляя таким образом, он вызвал на связь оставленный на орбите спутник и углубился в изучение снимков, сделанных из точки геостационарной орбиты, расположенной точно над колонией.

* * *

Отослав Семена и Андрея, Антон действительно поднялся на вышку. Это была та злополучная третья башня, с которой несколько часов назад началась атака колонии.

Как и остальные, он мог думать в этот момент только об одном — почему? Металлические конструкции вышки были испачканы черной слизью. Вокруг по-прежнему смердело. Поднявшись наверх, Антон положил руку в перчатке на ствол автоматической турели, ощущая сквозь защитную ткань ноющий холод металла.

„Мы обязаны выжить. Иначе зачем мы прилетели сюда?“ Эта мысль не требовала доказательств…

Взгляд Антона скользил по темному горизонту, где в темной воде залива пламенели столбы алого света.

Разгадка таилась там, в этом сержант не сомневался ни на секунду.

Он еще немного постоял рядом с орудием, поправил покосившийся прожектор и, спустившись вниз, вышел за ворота. Отключив коммуникатор, он перехватил автомат за цевье и уверенно зашагал в сторону океана.

В голове сержанта роились невеселые мысли. В отличие от Андрея и других членов экипажа, он не боялся, напротив, трудности он воспринимал спокойно, а смертельный риск был ему не в новинку. Причина его замкнутости крылась совсем в другом. Антоном владело самое тривиальное разочарование. Не так, совершенно не так представлялась ему

колонизация чуждой планеты.

Он с отвращением вспомнил растерянность, царящую на борту „Кривича“. Сержанту было трудно смириться с тем, что его окружают обычные люди, волею судьбы заброшенные на окраину Вселенной… Он отвечает за их жизни, лезет из кожи вон, а большинство экипажа считает его по меньшей мере кровожадным психом, он чувствовал это… Конечно, было глупо ждать большего, ведь никого из них не готовили к этой борьбе, просто судьба по странной прихоти свела их вместе, впихнула в корабль и отправила в неизвестность, что называется „творить историю“…

А ведь так оно и будет. Антон был равнодушен к регалиям, почестям и мишурному блеску, но странно было думать, что сменится несколько поколений и о них будут вспоминать, как о героях-первопроходцах… обо всех без исключения, даже об этом сосунке Сереже, который либо гадит в штаны при первых признаках опасности, либо очертя голову, не соображая, кидается вперед.

Антон поднял забрало, остановился и прикурил. При вспышке огня впереди послышалось заполошное хлопанье крыльев.

„Черт с ним…“ — подумал он, жадно затягиваясь. Автомат он держал одной рукой, готовый мгновенно открыть огонь навскидку. В конце концов, никто из них не виноват, что попал на „Кривич“. И ребята возмужают, был бы срок… Просто ему было бы куда спокойнее, окажись за спиной взвод спецназа, из тех парней, с которыми бились и замерзали насмерть в аммиачных ледниках спутников Юпитера. Команда из солдат и ученых, спаянных воедино волей к победе и дисциплиной, бросила бы эту планету к ногам спящих колонистов, как свежесорванный плод…

Он отшвырнул окурок, прочертивший во тьме длинную дугу, и захлопнул забрало шлема.

Ничего. Все сложится… Вот только обидно будет опять же, когда разбудят колонистов. Не поймут они, как все это было, какова она, эта неизведанная тьма, и сосущее чувство близкой, кружащей совсем рядом смерти… Будут смотреть на них, как на врагов, которые завезли их неведомо куда… Такова она, человеческая натура…

Под ногами тихо заскрипел прибрежный песок. Антон достал из-за спины телескопический шест, включил питание разрядника и положил его на землю. Затем, отойдя на несколько шагов, он вытащил из подсумка светотермическую шашку и, сломав капсюль, швырнул ее на песок.

Ослепительно вспыхнуло холодное пламя. И почти тотчас же со стороны ближайших к берегу раворов, прямо на него устремились зловещие крылатые тени. Антон недобро усмехнулся, ничком падая на

песок. „Будет Светлане долгожданная тварь, целая и невредимая“, — подумал он, уперев автомат магазином в песок. Во второй руке он сжимал заряженный шест.

Существа приближались. Они были теплокровными. На лицевом щитке его шлема, работающем в режиме инфракрасной оптики, четко прорисовывались семь зловещих силуэтов. Взмахи кожистых крыльев были неторопливы, существа словно бы присматривались к источнику ослепительного света, решая, нападать или нет…

Наконец головная тварь издала резкий призывный клекот и ринулась вниз, прямо на Антона. Электронный прицел шлема, связанный с оружием тонким оптико-волоконным кабелем, запульсировал, поймав цель.

Антон откатился, поражая атакующих короткими очередями. Он бил без суеты, наверняка, машинально задерживая дыхание, потому что его страх умер давным-давно, еще среди ледяных расселин Ио и Ганимеда. Тогда, когда десять лет назад он полз по торосам аммиачного ледника, а сверху на него пикировал истребитель противника, раз за разом пытаясь поразить одинокую фигуру. Форсажные сопла его двигателей заливали мертвую безвоздушную пустыню призрачно-голубым светом, а вакуумные орудия рисовали строчки бегущих по льду разрывов…

Когда его подобрали и в полубессознательном состоянии привезли на базу, он сам добрался до камеры утилизации и содрал с себя скафандр. Никому и никогда не рассказывал он о том случае, когда полуживой, едва двигая руками, он сдирал с себя вонючую гермоэкипировку и вздрагивал, если в коридоре звучали шаги. Никто на свете так и не узнал, как умер его страх, скормленный утилизатору вместе с частями обгаженного скафандра.

…Когти твари чиркнули по песку всего в нескольких сантиметрах от плеча Антона. Он отшвырнул автомат, откатился в сторону и, схватив шест, рывком вскочил на ноги.

Шесть изувеченных тел были разбросаны по песку вокруг погасшей термитной шашки. Седьмая тварь, выйдя из неудачного пике, вновь разворачивалась, чтобы ринуться в очередную атаку.

Антон задрал голову. Крылатая тень пикировала на него из поднебесья. Он ждал, широко расставив ноги и чуть приподняв полутораметровый шест. В блеклом свете фосфоресцирующих деревьев, до ближайшего из которых было не больше тридцати метров, его фигура, затянутая в гермопластик, увенчанная продолговатым шлемом с дымчатым забралом, была похожа на иллюстрацию к древним фантастическим книгам…

Тварь целила когтями в голову Антона. Он не стал отпрыгивать, а резко отклонил туловище, запрокинув голову, и клекочущая смерть пронеслась

мимо.

У самой земли твари пришлось широко расправить крылья, и в этот момент ударил Антон. Конец шеста ткнул точно в затылок зверя. Сумрак осветили голубые искры электрического разряда, и тварь рухнула на песок, издавая жалобные вопли. Ее тело сотрясали конвульсии, кожистые крылья хлопали, загребая песок, три глаза горели бешеным огнем. Не теряя ни секунды, Антон еще раз ткнул ее шестом и выхватил из подсумка аэрозольный баллончик. Пока тварь не опомнилась от шока, он, бегая вокруг, полил ее из баллона быстротвердеющей массой, которую обычно использовали в походных условиях для фиксации сломанных конечностей. Это было нечто аналогичное давно забытым гипсовым повязкам, но намного более совершенное и эффективное. Пластик, распыленный на кожу, твердел на глазах, приобретая прочность металла. Через минуту тварь уже была не в состоянии пошевелиться.

Дело было сделано. Антон отшвырнул пустой баллон, подобрал автомат и присел на корточки, пытаясь отдышаться. Сердце сержанта бешено колотилось.

Немного придя в себя, он обвел взглядом ближайшие деревья, но инфракрасная оптика не обнаружила ни одной цели. Отлично… Антон откинул забрало и сел, вытянув ноги. Две минуты отдыха он заслужил… Достав сигареты, он прикурил, продолжая шарить глазами по далекой линии темного океанского горизонта.

Дыхание понемногу унялось, и рука сержанта потянулась было к тумблеру коммуникатора, вмонтированного в окантовку забрала, но так и застыла на полпути, когда взгляд Антона случайно упал на яркое, опалесцирующее пятно, поднимавшееся из черных океанских глубин всего в какой-то сотне метров от берега. Инфракрасная оптика усиливала эффект, делая контур пятна почти что ослепительным.

Он вскочил на ноги.

Пятно разрасталось, с каждой секундой увеличиваясь в размерах и меняя интенсивность свечения. Теперь его можно было различить невооруженным взглядом безо всякой оптики.

Антон невольно задержал дыхание, чувствуя, что на его глазах происходит что-то очень и очень важное. Подняв автомат, он сделал шаг к воде.

Маслянистая жидкость лизнула высокие сапоги, не оставив на них следа. По оценкам Антона, площадь пятна составляла никак не меньше квадратного километра, и его температура превышала тридцать градусов по шкале Цельсия!

Несомненно, оно представляло из себя некое органическое образование и стремилось к одному из гигантских раворов…

Рука сержанта легла на стальное кольцо, соединяющее шлем с защитным костюмом. Два тихих щелчка нарушили сторожкую тишину. Тихо зажужжал движок закрепленной на шлеме видеокамеры, и одновременно в наушниках шлема возник далекий встревоженный голос:

— Здесь База-1, вызываю Эйкона… Антон, ответь!… Мы потеряли тебя пятнадцать минут назад… Антон, ответь! Если ты не можешь связаться, то обозначь себя любым доступным тебе способом… — В голосе Сергея звучала неподдельная тревога. — Повторяю, Антон, если ты нас слышишь, обозначь свое местоположение, у нас активирована спутниковая система контроля, мы увидим тебя…

— Тихо, Сережа… — как можно спокойнее оборвал его Антон, не желая поднимать излишней трескотни в эфире.

По связи донеслось бессвязное восклицание, и тотчас возник голос Галанина:

— Антон, ты где? Почему не отвечал?!

— Спокойно, Константин Эрнестович, я на берегу. Поговорим потом. Запеленгуйте меня и передайте пеленг на спутник. Как только будете готовы, начинайте прием моего видеосигнала… Здесь происходит что-то странное…

— Антон, что ты задумал? Я запрещаю тебе рисковать!

— Извините, Константин Эрнестович… Я уже вляпался по самые уши… Думаю, пререкаться нет смысла… — Произнеся это, Антон сделал первый шаг в воду. До ближайшего дерева, полыхавшего как воткнутый в стоячую воду факел, было не больше тридцати метров. Пятно, разлившееся уже в половину бухты, явно стремилось к следующему равору, отстоящему от берега на добрую сотню метров.

За что Антон не переставал уважать командира „Кривича“, так это за его здравомыслие. Другой на месте Галанина уже орал бы на весь эфир о субординации и уставе, он же если и нервничал, то ничем не показывал этого Антону.

Сухой щелчок…

— Антон, видео пошло. Вижу все объективом твоей камеры. Включи автоматическую фокусировку. Мы ведем запись. Ты безумец, но все равно… с Богом!… На берегу тебя будет ждать вездеход…

— Спасибо…

Вода уже доходила ему до пояса, и Антон шел, слегка наклонившись вперед. Автомат он держал над головой.

За десять метров до светящегося дерева дно начало подниматься. Опалесцирующее пятно внезапно распалось на множество отдельных сияющих образований. К этому моменту Антон уже подошел вплотную к стволу равора. Прислонившись плечом к темно-бордовой фосфоресцирующей коре, Антон сосредоточился на пятнах, окруживших соседнее дерево. Включив всю имевшуюся в его распоряжении оптику, он наконец при максимальном увеличении смог различить стремительно проносящиеся под водой контуры.

Их были сотни… Сотни существ, еще более отвратительных, чем атаковавшие базу крылатые твари, скользили в толще темной полупрозрачной воды, описывая концентрические окружности, в центре которых находилось дерево.

Еще секунда, и, словно подчиняясь неведомой команде, десяток похожих на земных осьминогов существ выпрыгнули из воды, мгновенно присосавшись к стволу равора. Видимо, их щупальца были снабжены когтями или присосками.

Как зачарованный, Антон смотрел на эту картину, чувствуя, как холод пробирается по позвоночнику и по спине бегут мурашки.

Однако это было только начало. Первые существа, присосавшиеся к стволу, образовали нечто наподобие уступа или балкона, расположенного точно между поверхностью воды и нижними ветвями дерева.

В следующую секунду вся поверхность бухты вскипела, и сотни светящихся тварей, словно выброшенные из воды пружинами, взвились вверх, цепляясь щупальцами за своих собратьев, образовавших подобие живой, шевелящейся лестницы, ведущей от воды к нижним ветвям…

Антон непроизвольно прижался к стволу, наблюдая, как колышущаяся масса осклизлых тел целеустремленно прет вверх, оккупируя громадное дерево. Прошло не больше чем несколько минут, а оно уже все извивалось, словно в агонии; ствол и ветви, облепленные глубинными тварями, казались живыми, в воздухе стоял несмолкающий писк, сквозь который, как показалось Антону, ясно прослушивалось отвратительное чавканье…

От этих картин ему уже давно было не по себе, и все инстинкты сержанта буквально выли, требуя одного: бежать, добраться до берега, пока эта отвратительная чавкающая масса не перекинулась на то дерево, о ствол которого он опирался в данный момент…

Антону очень хотелось внять этим внутренним воплям, но вместо этого он сделал то, что подсказывал разум и любопытство, — стараясь производить как можно меньше шума, он достал нож, вытянул вверх руку и всадил его в кору дерева. Повесив автомат на шею, он подтянулся,

используя рукоять ножа как опору, и, раскачавшись, закинул ноги на нижнюю ветвь своего дерева.

За это время ни один звук не нарушил царящую в эфире тишину. За ним наблюдали, но, слава Богу, никто не пытался лезть с дурацкими советами.

Совершив великолепный переворот, он ухватился руками за ветку и оказался верхом на развилке.

Его любопытство было вознаграждено с лихвой. На ветке дерева, по которой при желании мог бы пройти человек, чуть дальше развилки было устроено гнездо. В отличие от подобных сооружений земных птиц оно было воистину чудовищных размеров, но главное, оно не было свито из отдельных прутиков, а создавалось полное впечатление, что оно выросло здесь. Так на коре некоторых земных деревьев вырастают грибы-паразиты…

Антон осторожно прополз по стволу и заглянул за приподнятый край гнезда. Теперь у него не оставалось сомнений: гнездо и дерево соединялись воедино, вернее сказать, трехметровая чаша с ворсистым дном попросту выросла на ветке, по крайней мере ее края мало чем отличались от древесной коры, которую он видел внизу. Но самое удивительное располагалось внутри. Полуметровые образования, ровными рядами уложенные на ворсистом дне, нельзя было назвать яйцами, скорее это было похоже на коконы… Антон насчитал четыре десятка округлых кожистых вздутий, из каждого из которых торчала маленькая сморщенная головка с горящими глазами и голодной разинутой пастью…

Антон отшатнулся… Без сомнения, это были детеныши тех самых летучих тварей, что несколько часов назад атаковали их базу.

Его передернуло. Вот, оказывается, чем лакомились на ветвях соседнего дерева пришельцы из океанских глубин!…

На него словно снизошло озарение. Антон едва не свалился с ветки, когда в его голове все связалось воедино: неистовые атаки на базу, эти брошенные гнезда, поднимающееся из глубин океана опалесцирующее пятно…

Он хотел позвать Галанина, но в этот момент в сумеречном ночном небе внезапно послышался неясный шум, и, посмотрев туда, он увидел черную как смоль тучу, приближающуюся к берегу со стороны дальних скоплений гигантских деревьев. Ему не нужен был инфракрасный визор, чтобы узнать в надвигающейся по воздуху массе те самые зловещие крылатые контуры.

По воздуху прямо на него неслась неумолимая смерть, облеченная в форму праведного родительского гнева.

Вот он, тот самый инстинкт, который превосходит по своей силе

инстинкт самосохранения!

Ни секунды не раздумывая, он прыгнул вниз, и в этот самый миг передовые твари достигли оккупированного осьминогами дерева.

Пир моментально превратился в бойню. Воздух огласили душераздирающие вопли, шипение и клекот. Падая в темную, маслянистую воду залива, Антон успел заметить, что битва на соседнем дереве вовсе не напоминает избиение младенцев, наоборот, похожие на осьминогов обитатели глубин прекрасно чувствовали себя на открытом воздухе. В неровном свете раворов было отчетливо видно, как взлетают вверх длинные щупальца, обвивая атакующих. С тихим, почти нежным свистом открывались похожие на дыры безгубые и беззубые пасти. По-видимому, рацион океанских хищников включал в себя не только детенышей, но и взрослых особей…

Антон плюхнулся в воду и побежал к берегу, преодолевая сопротивление воды. Видеокамеру он выключил, записей, сделанных бортовым компьютером „Кривича“, было больше чем достаточно для полноценного анализа новой жизненно важной информации.

В десяти метрах от берега он оглянулся. От стаи летающих тварей отделилась небольшая группа. Заложив широкий круг, расправив полутораметровые крылья, удивительно напоминая звено черных пикировщиков, твари бесшумно обогнули „дерево боя“ и вдруг ринулись вперед, прямо на него.

Антон впервые воочию наблюдал эффект от их реактивных водородных ускорителей, они неслись на распростертых крыльях, не делая ими ни одного взмаха, что еще больше увеличивало их сходство с человеческими машинами, но в данный момент сержанту было не до аналогий.

Принять бой, стоя по колено в воде, на зыбком илистом грунте, где ноги постоянно засасывало, было бы безумием, и он побежал, стремясь достичь твердой земли раньше, чем атакующие твари выйдут из смертельного пике.

Он не успел. Шелестящий и воющий смерч настиг его в двух шагах от спасительных камней. Страшный удар в спину швырнул сержанта вперед и вверх, его перевернуло в воздухе, он попытался сгруппироваться, прижав автомат к груди, и это отчасти удалось…

Удар головой о камни вышиб из него сознание.

Ослепительная сверкающая спираль вкручивалась в его мозг на фоне вселенского мрака…

Жуткий гогот чудовищ звучал как набат…

Антон рвался вскочить, но не мог, стремительно проваливаясь в безгубую пасть океанского монстра…

Тихий нежный посвист баюкал его волю…

…Антон открыл глаза, не соображая, где он и что случилось.

В голове стоял протяжный, иссушающий звон…

Сквозь паутину трещин, покрывающую забрало его шлема, он видел острый край каменного обломка, алый факел равора и черные тени, разворачивающиеся в призрачном свете его кроны…

Он шевельнулся, едва не заорав от пронзившей все тело боли. В глазах на секунду помутнело.

Вставай!

Он, скрипя зубами, перевернулся и встал на четвереньки, раздирая гермопластик перчаток об острые сколотые края камней.

Атакующая семерка входила в пике…

Антон с трудом удерживал зыбкое сознание на грани реальности. Глаза застилал кровавый туман. Подтянув автомат к груди, он сжал его кровоточащими ладонями. „В магазине еще двадцать патронов…“ — пришла из ниоткуда отстраненная мысль, словно это работала не его, а чья-то чужая память.

Самый сильный инстинкт…

Трое спереди, четыре сзади…

Черные точки на фоне алого потустороннего света.

Антон лежал не шелохнувшись, и ему казалось, он различает редкие отвратительные чешуйки на голой шелушащейся коже тварей передовой тройки. Три из них вошли в пике. Ими владело одно желание — растерзать застывшее между камней тело.

Скорость атакующего чудовища не поддавалась осмыслению.

Антон улыбнулся побелевшими от напряжения губами. Животные…

В последний момент, когда черные тени заслонили всю Вселенную, он со стоном рванулся вбок.

ЧВАК… ЧВАК… ЧВАК…

Три твари размозжило о камни. Их скорость была равна их инстинктивной ярости.

Четыре остальных успели отвернуть у самой земли, разлетевшись в стороны, чтобы снова набрать высоту.

Антон дал две короткие отсекающие очереди, и ближняя тварь вспыхнула, словно новогодний фейерверк, на мгновенье высветив каждый камушек в радиусе сотни метров.

В воду посыпались вонючие ошметья.

Антон с трудом встал и, шатаясь, побежал к тому месту, где оставил спеленатую пластиком тварь. Он бежал, спотыкаясь и часто оглядываясь,

постепенно все отчетливее понимая, что не успеет…

Тройка вновь ринулась в атаку. Антон остановился, подняв автомат. Берег плыл перед глазами, его подташнивало, голова отчаянно кружилась. В магазине осталось не больше десяти патронов.

Ноги подкашивались. Видимо, в момент удара о камни он получил сильное сотрясение мозга. Опустившись на одно колено, сержант поднял оружие, пытаясь поймать в пляшущем прицеле головную тварь.

Он собирался драться до последнего.

Где-то рядом взвизгнули тормоза.

Антон даже не повернул головы. Уплывающее сознание расценило этот звук как предсмертную галлюцинацию.

Громко, оглушительно хлопнула дверца, и алый сумрак вспорола длинная автоматная очередь.

Антон повернулся. Андрей стрелял, припав на одно колено, и автомат злобно трясся в его руках.

Он хрипло вздохнул, чувствуя, как боль в груди все разрастается, заполняя все тело, а вместе с ней словно персты судьбы тянутся в небо острые росчерки трассирующих пуль, разрывая в клочья чужую плоть.

Сержант повалился на бок, окончательно лишившись сознания.

В магазине его автомата оставался один патрон.

Глава 6. РАССВЕТ

Вот, полюбуйся! — Семен подвел Антона к столу, на котором был разложен испятнанный грязью, кровью и черной слизью защитный костюм.

Антон предполагал увидеть нечто подобное, но все равно изумленно присвистнул, внимательно рассмотрев собственную экипировку.

Прочнейший пластик на спине был распущен на длинные полосы, словно здесь поработал лазерный скальпель. Спину сержанта спас расположенный между слоем пластика и внутренней теплоизоляцией специальный стальной корсет, между пластинами которого застрял черный, иззубренный коготь.

— Да… — вздохнул он, щелкнув пальцем по треснувшему забралу. — Удар был неприятный. Вы подоспели как раз вовремя…

— Брось… — Семен серьезно взглянул в его глаза и, вдруг улыбнувшись, осторожно ткнул кулаком в плечо сержанта. — Ты сделал то, на что не способен ни один из нас. Светлана исследовала тварь, и мы теперь знаем, как бороться. Благодаря тебе и сделанным тобой записям…

— Сколько я провалялся без сознания?

— Пять часов. Скоро рассвет. Через сорок минут мы запускаем два орбитальных челнока.

— Зачем?

— Они понесут на орбиту спутники. Будем бить этих тварей из космоса на дальних подступах к базе. Андрей рассчитал, что через трое местных суток с ними будет покончено. Все придумал он. На орбиту выйдут два стационарных лазера, аналоги оборонных противоракетных установок „СОИ“, понимаешь? Они аккумулируют энергию звезды и бьют вниз. Три ясных безоблачных ночи, и этот участок побережья станет таким же безопасным, как детская песочница.

— Вы с ума сошли! — Антон резко повернулся, непроизвольно поморщившись от боли в груди.

— Не понял… Ты же сам говорил, — если начнем бегать от них, то пробегаем всю жизнь!

Антон сокрушенно покачал головой.

— Собери экипаж… — внезапно попросил он. — Нам нужно поговорить.

Семен внимательно посмотрел на него, пожал плечами и повернулся к

интеркому.

* * *

На обзорных мониторах ходовой рубки медленно занимался рассвет. Небо над океаном начинало светлеть, раворы медленно угасали, и половина звезд уже исчезла с посеревших небес.

Антон и сам не понимал, что с ним происходит. Казалось бы, он должен быть доволен… Действительно, еще вчера полное уничтожение всего живого в радиусе нескольких сот километров бальзамом пролилось бы на его душу.

Но это было вчера. Антон не был настолько туп, чтобы идти на поводу собственных амбиций. Ситуация менялась на глазах.

— Мы не должны уничтожать тварей! — без обиняков и вступлений проговорил он, когда Светлана и Сергей, вызванные из лаборатории, заняли свои места.

— Ты с ума сошел?! – вырвалось у Семена. — Они разворотили половину базы, покалечили тебя и Витю!

— Я веду речь не о мести, — спокойно ответил Антон. — Если исходить из соображений безопасности, то более глупого и неоправданного шага, чем орбитальные удары по гнездовьям, я не могу даже и вообразить.

На этот раз не выдержал Андрей. В конце концов, идея спутниковых атак была его детищем.

— Антон, через тридцать часов снова наступит ночь, и мы неминуемо подвергнемся новой атаке! Ты ведь знаешь, что даже если мы и выстоим, то это будет пиррова победа!

— Подождите, ребята! — внезапно вмешалась в разгорающийся спор Светлана. — Антон абсолютно прав. Уцелеет колония будущей ночью или же нет — это, конечно, вопрос, но если мы будем следовать намеченному плану и уничтожим гнездовья этих тварей, то тогда окончательное поражение колонии будет лишь вопросом времени!

— Объясни! — потребовал Галанин. Сам он, просмотрев видео, записанное Антоном, пришел к тем же неутешительным выводам, что и сержант, но пока что предпочитал не высказывать своего мнения… Легче всего обнародовать приказ…

— Я подробно изучила сделанную Антоном запись, к тому же он сумел захватить для исследований живого зверя, который дал нам столько информации, сколько не принесли бы месяцы пассивных наблюдений. Так

вот, — она встала и подошла к экранам, повернувшись лицом к собравшимся. Щеки биолога заливал румянец, но глаза были покрасневшими и словно бы выцветшими от усталости. Впрочем, остальные выглядели не лучше… — Эта планета еще очень молода, — продолжила она. — Эволюция нашей новой родины шла немного не так, как это было когда-то на Земле. Естественно, жизнь тут зародилась в океане, но по каким-то причинам она в должный момент не выбралась на сушу. Наземный мир планеты очень молод, океанская же фауна и флора — стары, более развиты и разнообразны. Из этого легко сделать очевидный вывод: основная опасность для существования колонии исходит именно со стороны океана. Рискну предположить, что твари, раворы и те спруты, что атаковали гнездовья тварей, — это даже не сотая часть обитателей океана, с которыми мы еще не знакомы.

Сергей согласно кивнул, поддерживая Светлану. На лицах остальных, кроме Антона, конечно, было написано удивление. Никто из них не пытался мыслить в глобальном масштабе, все были слишком обескуражены внезапной атакой на базу и насущными проблемами ее защиты…

— Спруты едва ли не опаснее летучих тварей, — тем временем продолжила Светлана. — Другие могут оказаться еще хуже. Но у нас есть вполне реальные шансы на выживание. Не скрою, соверши мы посадку вдали от берега — и многих проблем удалось бы избежать. Но что сделано, то сделано. Придется исходить из существующего положения вещей, а оно таково: мы находимся на берегу океана, в окружении враждебных нам жизненных форм, для которых база является сильным внешним раздражителем. Я долго ломала себе голову, почему твари столь яростно и бессмысленно, не считаясь ни с потерями, ни с инстинктом самосохранения, атаковали наш периметр прошлой ночью. Когда я просмотрела сделанную Антоном запись, то ответ стал вполне очевиден.

Она щелкнула клавишей, и на центральном мониторе появился кадр, заставивший всех присутствующих невольно вздрогнуть.

Из глубин океана поднималось громадное фосфоресцирующее пятно, постепенно окружая одно из гигантских деревьев…

— Это начало атаки глубинных существ на гнездовья тварей, — Светлана откашлялась и очертила рукой пятно. — Похожие на спрутов или осьминогов существа не только излучают слабое сияние, судя по показаниям приборов, они являются теплокровными организмами, то есть имеют температуру тела намного выше температуры окружающей среды. А теперь посмотрите сюда.

Она включила второй монитор, на котором появилась их база. Съемка

велась с высоты птичьего полета.

— Теперь я отдаю приказ бортовому компьютеру просканировать оба изображения в режиме инфракрасного видения.

Эффект был потрясающим. Если не придираться к деталям, то две картинки, возникшие на экранах, ничем не отличались друг от друга! И на одной, и на второй расползлись два пульсирующих красных пятна.

— Они приняли нас за своих исконных врагов! — воскликнул Сергей.

— Именно так! — подтвердила Светлана. — Видимо, эти глубинные существа являются извечными врагами тварей, и у них выработан четкий инстинкт коллективной борьбы против глубинных монстров.

— Поразительно… но непонятно, почему мы не должны уничтожать их? Теперь еще очевиднее, что будущей ночью они повторят атаку!

— Если мы уничтожим гнездовья по всему берегу, а именно так и следует поступить, если мы хотим избежать атак, то нарушится сложившийся экологический баланс и, кто знает, быть может, из-за отсутствия тварей в океане расплодятся эти спруты или на свет вылезет еще что-нибудь похуже… Рано или поздно случится именно так. В вооруженном противостоянии с природой целой планеты мы неизбежно обречены на поражение!

— И что нам делать?! – мрачно спросил Сергей.

— Нужно оставить все на своих местах, используя тварей как надежный щит между базой и обитателями океана! — не задумываясь ответил Антон. — Пока они продолжают гнездиться на раворах, нам не страшны обитатели глубин!

— Ну вы, ребята, даете! — не выдержал Виктор. — Что толку во всей этой стратегии, если ночью нас сметут с лица земли!

— Не паникуй, у нас еще тридцать часов!

— И что мы будем делать? Наденем на базу шапку-невидимку?!… – Он внезапно осекся и посмотрел на Светлану. — Инфракрасное излучение… Твари видят в инфракрасном спектре! — потрясенный собственной мыслью, воскликнул он.

Светлана улыбнулась.

— Именно так, Витя. Есть у них, конечно, и обычное зрение. Но оно несет скорее вспомогательные функции. А основную информацию о мире, я, конечно, имею в виду визуальное восприятие, они получают именно в инфракрасном спектре. Твари — ночные хищники. И они, между прочим, неотделимы от раворов, с которыми находятся в симбиотической связи. Все это еще предстоит изучить и выяснить, ну а пока…

— Пока нам придется рискнуть… — прервал биолога Константин

Эрнестович. — У нас есть ровно тридцать часов, чтобы максимально нейтрализовать тепловое излучение базы, сделать ее невидимой в инфракрасном спектре, и по этому поводу я готов выслушать любые разумные предложения…

* * *

— Готовность!

Семен вынул из гнезда на выпуклой броне шаттла последний разъем стационарного питания и отбежал в сторону, волоча за собой длинный кабель.

Восходящее солнце весело играло ослепительными бликами на раскрывшихся с рассветом сегментах солнечных батарей. Сфера колониального транспорта, застывшая в центре базы, казалась старой и потрепанной на фоне окружающей ее новенькой техники.

Из-под брюха шаттла вырвалось пламя. Автоматический корабль вздрогнул и начал медленный вертикальный подъем. В коммуникаторах была слышна разноголосица команд. Бортовой компьютер заканчивал обратный отсчет.

Семен остановился, провожая глазами стартующую машину. Вместо лазеров она уносила на орбиту дополнительное оборудование для создания направленных электромагнитных помех.

В днище сферы медленно раскрылись гигантские створы модульного люка, и по выдвинувшемуся пандусу вниз, рыча моторами и плюясь дымом из плохо прогретых двигателей, скатились два грузовых вездехода. Многотонные бронированные машины обладали прекрасной проходимостью, но практически не были вооружены.

Семен вздохнул и повернулся, волоча за собой длинный тяжелый кабель. Ноги пилота ломило от усталости, но впереди был день, который обещал быть еще труднее, чем предыдущие.

С другой стороны за вездеходами наблюдал Андрей. Они с Сергеем по приказу Антона упаковывали боеприпасы и оружие. Вскрывая тяжелые оцинкованные ящики, они снаряжали автоматные магазины патронами и аккуратно укладывали их в кофры. Рядом, задрав к лазурному небу вороненые стволы, застыли два крупнокалиберных пулемета. Ящики с их коробчатыми магазинами еще ждали своей очереди.

Сергей то и дело клевал носом. Опасное занятие, когда ты вкручиваешь запалы в высыпанные на брезент осколочно-термические гранаты. Они как

будто специально были созданы для борьбы с тварями. Сначала светотермическая вспышка привлечет их инфракрасным излучением, а потом, спустя пятнадцать секунд, когда любопытная зверюга подлетит поближе, шарахнет осколками… Программируя таймеры взрывателей, Сергей исходил именно из такой схемы. Вспышка, пятнадцатисекундная задержка и…

Он зевнул, едва справляясь с головокружением. Сон уже третьи сутки был для них несбыточной мечтой… Очередная граната с вкрученным взрывателем внезапно выскользнула из рук и со звоном покатилась по пластиковым плитам.

Сергей оцепенел. Сейчас взорвется! Он метнулся в сторону, едва не сшибив с треноги пулемет.

— Ложись! — дико заорал он.

Андрей еще только поворачивался на звук. Увидев гранату, он побледнел.

Секунда… Вторая…

Рифленый металлический шарик последний раз подскочил на стыке двух плит и застыл сверкающей безобидной горошиной.

— У, черт… — Андрей в изнеможении опустился на ящик.

Сергей медленно встал, осторожно подошел к гранате и сжал ее в руке. Вернувшись к Андрею, он присел рядом.

— Извини, нечаянно вышло… Не говори никому, ладно? — попросил он, оглядываясь по сторонам.

Андрей кивнул, все еще ощущая противный холод в районе живота.

Из люка вездехода высунулась взлохмаченная голова Берга.

— Ну что, скоро вы там? — закричал он, стараясь перекрыть шум двух работающих на холостых оборотах двигателей. — Грузиться пора!

— Сейчас! — Андрей встал, критически разглядывая распотрошенные ящики. — Еще минут двадцать, не раньше!

В другом конце базы под брезентовым навесом была установлена просторная клетка, сваренная из прочных толстых прутьев.

Тварь сидела посреди клетки, опираясь на когтистые лапы и мягкое сопло своего водородного ускорителя. Обрамляющие отверстие короткие щупальца были веером распущены по полу, крылья бессильно опущены, три подслеповатых на дневном свету глаза настороженно следили за людьми.

— Так, отлично… — Светлана сделала несколько переключений на тактическом пульте, соединенном с клеткой и датчиками длинными экранированными шлейфами. — Семен, приготовься… Давай!

По металлическому полу и прутьям потек электрический ток.

Тварь подбросило вверх, она дико заверещала, испуская повторяющиеся серии щелчков, шипения и клекота.

Светлана отключила напряжение прежде, чем животное вновь коснулось пола.

— Семен, записал?

— Да, все в порядке. Нужно дать ей успокоиться.

Через минуту снаружи клетки начал разгораться тусклый красноватый свет. Тварь, забившаяся после удара током в дальний от людей угол клетки, вздрогнула и привстала, слегка расправив крылья.

И снова шипение и клекот.

— Записал?

— Да!

— Отлично!… – Светлана выключила сигнал и посмотрела на хронометр. — Давай попробуем следующий раздражитель.

* * *

Солнце еще не успело вскарабкаться в зенит, а в ясном до сих пор небе появились далекие кучевые облака.

Константин Эрнестович посмотрел на небо, покачал головой и перевел взгляд на ребят, переминавшихся с ноги на ногу подле вездеходов. Семен курил, разговаривая с Сергеем, Антон поправлял что-то в экипировке Андрея.

Глядя на их осунувшиеся лица, обрамленные шлемами с поднятыми дымчатыми забралами, Галанин не мог не испытывать гордости. Им приходилось очень туго, но ведь выстояли, мужая не по дням, а по часам, и теперь они настоящий, сплоченный экипаж…

Его взгляд задержался на Светлане. К ней подошел Виктор, что-то тихо сказал на ухо, и она улыбнулась.

Сердце Галанина дрогнуло. Такой же веселой была Ольга… Сердце командира никак не могло смириться с этой потерей, и тот, канувший в никуда, экипаж разведывательного корабля постоянно тревожил его в снах. Снился здоровяк Ургейм, и Ольга, и Курт…

Не хотелось думать, что они погибли.

Константин Эрнестович бросил последний взгляд на основной модуль колониального транспорта и, повернувшись, пошел к вездеходам. Он никак не мог понять, отчего так тяжело на душе, словно сердце давило

предчувствие какой-то беды.

При приближении командира они подтянулись, образовав подобие строя. На всех без исключения были защитные костюмы с системами очистки воздуха и терморегуляции.

Галанин остановился напротив строя.

— Ну вот… Нам осталось совершить последнее усилие, — проговорил он. — Роли распределены, все знают, что и как нужно делать, так что, — он махнул рукой, — по машинам!

Ворота колонии дрогнули и поползли в стороны. База оставалась под контролем автоматики. Никто не захотел добровольно остаться и ждать, да в этом и не было смысла. Если они не успеют до наступления сумерек смонтировать систему электромагнитной маскировки, которая должна описать окружность диаметром в сто километров и замкнуться на выведенные на орбиту спутники, то наступившая ночь станет для колонии последней, и один или два человека, присутствуя на базе, не смогут спасти положение. Им оставалось только одно — во что бы то ни стало — успеть.

Два вездехода взревели двигателями, выкатились за ворота базы и развернулись в разные стороны, с тем, чтобы встретиться в противоположной точке окружности.

В запасе у них оставалось двенадцать часов.

* * *

Устанавливая первый пластиковый столб, Антон думал о Свете. Она ушла с группой, которую возглавил Галанин. Выбор ее был доброволен: никто не указывал, кому и с кем пойти. Но вместе с Галаниным отправился Семен, и возможно, что ее решение было предопределено именно этим.

Антон ногой утрамбовал сухую бесплодную землю вокруг столба. Наплевать. Она свободная женщина и никогда не проявляла к нему никаких чувств. Да и он держал свои симпатии при себе. Откуда тогда эта глупая, навязчивая ревность?

Включив передатчик, он дождался, пока установится связь со спутником. Виктор потихоньку газовал, сидя за рычагами управления, Сергея вообще не было видно, хотя его место за пулеметной турелью.

— Поехали! — Антон забрался в кузов и хлопнул дверкой.

Машина рванула с места.

В кузове было не повернуться из-за сваленных прямо на пол пластиковых столбов, внутри которых были смонтированы передатчики и

электромагнитные генераторы. Им предстояло установить пятьдесят таких защитных устройств с интервалом в один километр.

Пристроившись у овального окна за спиной водителя, Антон раздвинул светофильтрующие шторки и смотрел, как проносятся мимо непривычные ландшафты. В этой части материка растительности было мало, леса, куда они ходили на разведку в первый день после посадки, располагались южнее, здесь же, по-видимому, не так давно извергались вулканы, входящие в состав маячившего у горизонта горного хребта. Под колесами вездехода ломалась слежавшаяся корка вулканического пепла, по серым унылым холмам были разбросаны черные камни.

Антон думал о том, что будет делать, когда все кончится. Как ни странно, но он не испытывал ни малейшего желания присутствовать при массовом пробуждении колонистов. Голубой мечтой сержанта было забрать Светлану, выпросить у Константина Эрнестовича вездеход и рвануть куда-нибудь подальше, в глубины материка…

Его мысли нарушил скрежет. Вездеход накренился, всех бросило на левый борт, едва не придавив трубами. Машина взревела двигателями, задирая нос.

Антон, с трудом удержавшись на сиденье, схватился за спинку водительского кресла.

— Яма, засыпанная пеплом! — перекрывая шум двигателей, прокричал Виктор, не поворачивая головы. Его руки судорожно манипулировали рычагами, и машина все круче задирала нос, пытаясь выкарабкаться из ловушки.

Антон молчал, вцепившись в спинку кресла. В такой момент лезть с советами — только вредить.

Наконец в обзорном триплексе вместо серого склона появилась тонкая полоска неба. Вездеход начал выравниваться.

— Пронесло… — побелевшими губами прошептал Сергей.

Антон иронично взглянул на него.

— Марш за пулемет! — приказал он.

Сергей недобро посмотрел на сержанта, но препираться не стал. Ухватившись за края люка, он примостился на ступеньке, по пояс высунувшись в установленный на крыше вездехода прозрачный блистер. Ствол пулемета запорошило пеплом, и он повел им из стороны в сторону, чтобы стряхнуть серый порошок с выступающей за пределы блистера прицельной планки.

Через минуту вездеход взвизгнул тормозами и остановился.

— Пошли, — проговорил Антон, открыв заднюю дверку кузова и

выталкивая в нее очередной пластиковый столб.

Обычная, рутинная работа.

* * *

Группа Галанина начала с побережья. За рулем вездехода сидел Константин Эрнестович.

Они передвигались по песчаному пляжу, почти у самой кромки темной воды. Рифленые колеса мощного внедорожника тонули в песке, оставляя в нем широкие борозды. Полуденный зной разлился над планетой, разогнав всех ночных животных. Они уже установили семь столбов, но отстали от намеченного графика, выискивая для установки аппаратуры более или менее подходящие места.

Наконец далеко за полдень прибрежный участок был пройден, и они выехали на холмистую равнину, покрытую странной зеленовато-бурой растительностью. Далеко у горизонта в знойной дымке испарений маячили горы. Где-то там у их подножия сейчас продвигался вездеход Антона.

Светлана, держась за поручни, встала и боком протиснулась в узкое отверстие блистера. Семен подвинулся, отпустив приклад пулемета. Небольшой люк в прозрачном колпаке был приоткрыт, и в куполе гулял ветерок.

Светлана окинула взглядом бескрайнюю равнину, однообразие которой скрашивали редкие, поросшие кустарником и низкорослыми деревьями холмы.

— Никого не заметил?

Семен отрицательно покачал головой.

— Пока все тихо. Было несколько точек в небе, но и они исчезли. — Он бросил взгляд на редкие кучевые облака и покачал головой. — От этой жары с ума можно сойти. Неудивительно, что животные предпочитают ночной образ жизни.

— Нам сейчас жара только на руку, — заметила Светлана.

Вездеход притормозил у подножия холма.

— Ребята, на выход, — раздался снизу голос Галанина.

Светлана вздохнула и полезла вниз. Пора было вкапывать очередной столб.

— Погоди. — Семен коснулся ее плеча. — Почему бы нам не поменяться?

— Я не умею стрелять, ты же знаешь…

Семен махнул рукой.

— Один черт, вокруг никого нет, — он подмигнул и проскользнул вниз. — Залезай, я хоть разомну кости.

Взяв лопаты, он помог Андрею вытащить столб, и они вдвоем поволокли его к склону холма.

Галанин тоже вышел из машины и копался у переднего колеса, подтягивая болт.

Работать в защитных костюмах на такой жаре было сущей мукой, но командир категорически запретил раздеваться.

Они выкопали яму и установили столб.

— А это что такое? — поинтересовался Семен, указывая на закрепленный чуть ниже основной аппаратуры черный цилиндр с двумя кнопками и рядом индикаторов.

— Света придумала, — вытирая пот, ответил Андрей. — Какой-то передатчик. Насколько я понял, в нем записаны вопли пленной твари. Мы снабдим таким устройством каждый столб. — Он со стоном разогнулся, ступней утрамбовывая землю. — Сколько там еще осталось? Не считал?

Семен пожал плечами.

— По-моему, штук пятнадцать. — Он взглянул на солнце, которое уже начало медленно клониться к далекому горизонту, и покачал головой. — Успеть бы до сумерек…

Вездеходы действительно разделяло всего тридцать километров по прямой, но без специального переносного оборудования для связи со спутниками они могли полагаться только на вычерченные от руки карты. Столбы же были оборудованы лишь электромагнитными генераторами и направленными маяками.

Через два часа небо понемногу начало сереть. Багровый диск звезды еще ниже припал к земле в бесплодной попытке обжечь ее своими прощальными лучами.

Вездеход качало, подбрасывая на ухабах.

Они уже не разговаривали и не шутили, на это просто не осталось сил. Оба вездехода неуклонно приближались к точке встречи, и в сердцах измученных людей все сильнее разгорался лучик надежды.

Они опережали закат.

* * *

Начинало смеркаться, когда группа Антона установила сорок восьмой

столб.

Сергей молча опустился на землю. Перед глазами мельтешили разноцветные искры. Это состояние уже нельзя было назвать усталостью, видимо, наступил тот предел, когда у организма не осталось ни капли сил и, казалось, ничто, даже угроза смерти, не в состоянии поднять со стылой земли измученное тело.

Рядом грузно сел Антон. Ввалившиеся глаза сержанта смотрели вдаль, туда, где должна была произойти встреча с группой Галанина.

„Еще один шаг… — отрешенно думал Антон. — Один переход… Какой-то ничтожный, паршивый километр, и они замкнут кольцо…“

Он понимал, что если усталость скрутила его, то о ребятах нечего и говорить. В таком состоянии люди вставали из укрытий и намеренно бросались под пули, не в силах выдержать изматывающего напряжения…

— Сергей… — хрипло проговорил он.

Пилот с усилием приподнял голову, пытаясь сфокусировать на сержанте свой взгляд.

Эйкон распечатал последнюю капсулу стимулятора.

— Выпей… — приказал он, протянув Сергею янтарный шарик. — Поведешь вездеход.

Сергей дрожащими пальцами взял с ладони сержанта заветный шарик. Несколько раз с усилием сглотнув, он отправил его в рот и сжал зубами, прокусив пластиковую оболочку. По горлу пролилась обжигающая горечь, и вместе с тем предметы вокруг внезапно начали обретать резкость.

Сергея внезапно разобрала беспричинная злость. Почему он отдал последний стимулятор именно ему!… Он огляделся. В двух шагах от них, прислонившись к запыленному колесу вездехода, сидел Виктор. Закрытые глаза Берга казались двумя синяками на землисто-бледном лице.

— Считаешь меня слабым? — выдавил Сергей, с ненавистью взглянув на Антона. — Думаешь, не выдержу, стану обузой на последних километрах?!

— Брось, Серега… — тихо, но властно перебил его Антон. — Мы все дойдем… И неважно, кому я отдал последний стимулятор, понимаешь?

Сергей, не выдержав, отвел взгляд.

— Дай сигарету… — внезапно попросил сержант.

Он прикурил, думая о Свете. Если они уже не в силах вынести все это, то каково же ей?…

— Подъем! — скомандовал он, вставая.

Два часа назад они покинули пустынную зону, повернув на север, где опаленные дыханием вулканов предгорья постепенно переходили в

холмистую равнину.

Вот и сейчас, тронувшись с места, вездеход обогнул пологий холм и покатил к намеченной заранее точке.

Сергей включил фары, но было еще недостаточно темно, и их свет лишь слегка подсвечивал унылый предзакатный сумрак. Впереди, прямо по курсу, что-то блеснуло.

Сначала он подумал, что ему померещилось, но машина вновь подпрыгнула на ухабе, и свет фар опять зацепил впереди какую-то отражающую поверхность…

— Антон!… – не оборачиваясь позвал он.

Сержант тотчас возник за его спиной.

— Там что-то блестит впереди!

Действительно, в полукилометре, на пологом склоне ближайшего холма опять появился и исчез яркий блик.

— Давай туда! — приказал Антон.

— Но как же…

— Давай, это почти по курсу движения. Не собьемся.

Через пять минут они были уже почти рядом с холмом.

— Сергей, попробуй связаться со второй группой, они уже должны быть где-то рядом! — распорядился сержант, когда вездеход остановился у подножия склона. — Витя, залезай в блистер, прикроешь меня и Сергея, заодно попробуй подсветить фароискателем.

По склону холма рос низкий корявый кустарник. Его вид сразу же вызвал у Антона подозрение. Длинные мясистые листья были покрыты какими-то маслянистыми темными пятнами. Он коснулся одного из них, растер между пальцами и понюхал.

Так и есть… Копоть!

Чуть выше заросли кустов были помяты, словно их прибили к земле шквальным порывом ветра. Сергей в недоумении оглядывался вокруг, а сердце Антона уже стиснули неумолимые тиски страшной догадки.

С трудом продравшись к вершине холма, они раздвинули уже явно опаленные и изломанные ветки и увидели длинную борозду, делившую холм на две части.

В блеклом свете фонарей тускло сверкнула прокопченная сталь.

В конце борозды, посреди безобразной воронки из развороченной земли торчал обгоревший остов спасательного модуля.

Сергей невольно рванулся к нему, едва не споткнувшись о распростертое на земле тело.

Он попятился, налетев спиной на Антона.

Сергей внутренне был готов к гневному окрику сержанта, но сзади царила могильная тишина.

Повернувшись, он едва не отшатнулся, напоровшись на заледеневший взгляд Антона.

В нем явственно читалось безумие, боль, запоздалое чувство растерянности и вины и еще что-то, такое ледяное и страшное, что не поддавалось ни осмыслению, ни описанию…

Словно что-то сгорело и надломилось в один неуловимый миг в этом вечно спокойном и насмешливом взгляде.

Антон, словно под действием чужой воли, сделал шаг вперед, наклонился над телом в легком скафандре и вдруг с легкостью поднял его, словно старую грязную тряпку.

Только в этот момент Сергей заметил, что белоснежный некогда скафандр испятнан бурой слизью и опутан чем-то похожим на блестящие нити.

Пальцы Антона разжались, и пустая оболочка, некогда бывшая одним из колонистов, съежившись, упала на землю бесформенным комом.

В глазах Антона, затуманенных подступившим безумием, вдруг сверкнула слеза.

Автоматный ремень скользнул по плечу, услужливо подав в руки вороненую сталь автомата.

— Антон, остановись! — дошел до его сознания крик Сергея, только сейчас заметившего копошащиеся во мраке паукообразные тени, которые уже давно увидел Антон. — Слышишь! Ты не виноват!

Это были бессмысленные слова.

Те, кто лежал здесь, в обломках спасательного модуля, сами выбрали свой путь. Он ни в чем не провинился перед теми, кто сорвал разведку и бежал, бросив его и Виктора в разгерметизированном корабле… Нет. Антона душило не это. Кем бы они ни были, но даже последние негодяи не заслуживали столь отвратительной смерти.

Его ненависть словно магнитом притягивали эти твари, что до сих пор пировали на разбросанных в обломках модуля телах.

Он сделал шаг вперед, с хрустом передернув затвор. Антон не выдержал, планета взяла верх над разумом человека.

Он был самым сильным из экипажа и взвалил на себя непомерную ношу.

Теперь, когда слабые на глазах становились все сильнее, он падал в пропасть безумия.

Шаг…

Впереди, поймав свет фонаря, вспыхнули страшные фасетчатые глаза.

Лязг затвора…

Злобное шипение…

Еще один шаг…

Темные силуэты подались назад, словно осознав, кто надвигается на них.

— Антон! — заорал Сергей, рванувшись вперед.

В ответ ударил автомат сержанта, зло, отрывисто, короткими очередями по два патрона, как учили инструктора в далеком прошлом.

Он стрелял, скорее чувствуя, нежели видя, как разлетаются в клочья хитиновые панцири, и вместе с пулями во мрак улетала его ненависть, его боль, его тревога за экипаж, словно не автомат, а он сам разряжался, пока автомат не щелкнул вхолостую…

Грохот утих. Сзади Антона обхватил Сергей и рванул назад, а впереди уже катилась шипящая волна голодных ядовитых тварей, разбуженных автоматным огнем.

Сергей так и не понял, когда это случилось, но тело Антона внезапно конвульсивно дернулось и обмякло. Он не остановился, а, наоборот, побежал изо всех сил, пока не вырвался из кустов в ослепительные лучи фар.

Впихнув Антона в открытую дверь вездехода, он прыгнул в водительское кресло и утопил педаль газа.

Мощная машина рванула с места, выворачивая колесами комья земли.

Он оглянулся. Холм уплывал во мрак. Над Антоном склонился Берг. Безжизненное лицо сержанта покрывала смертельная бледность, на фоне которой выделялось ярко-зеленое пятно, словно ему в лицо попал ядовитый плевок.

В потемневшем небе загорелась первая звезда.

На приборной панели вездехода мигала крохотная оранжевая лампочка вызова, и далекий встревоженный голос повторял одни и те же слова:

— Группа-два, группа-два, здесь командир, где вы, ответьте! Мы установили пятидесятый столб. Ради Бога, ребята, отзовитесь!…

Сергей закусил губу и отжал клавишу вызова.

* * *

Костер весело трещал, пожирая сухие ветки и озаряя небольшую площадку дрожащими сполохами света. Языки пламени рвались вверх и,

словно забавляясь, выхватывали из мрака лица людей.

Пахло дымом и незнакомой человеческому обонянию приторной горечью…

Сергей поднял с земли гитару и стал задумчиво перебирать струны, заворожено глядя в огонь. Стальные нити под его пальцами зазвучали, жалобно и тихо, вторя шуму ветра и шороху мясистой, фиолетово-бурой листвы.

Где-то далеко закричал жабоклюв.

Светлана склонилась над носилками, на которых лежал Антон. Лицо сержанта, несмотря на бледность и бинты, было умиротворенным.

— Все будет хорошо… — шепнула она ему на ухо. — Я выделила яд и нейтрализовала его… Ты поправишься… Вот увидишь…

Антон не слышал ее. Он все еще не приходил в сознание.

Кризис только что миновал, и они не решались тронуться с места, опасаясь осложнений.

В небесах царили далекие и холодные россыпи звезд.

Где-то за темным горизонтом стая летучих тварей внезапно потеряла четкий инфракрасный сигнал.

Спутник на орбите замкнул незримый электромагнитный колпак, укрыв базу от назойливого внимания хищников.

Немного покружив над берегом, черная стая распалась на группы и повернула к пламенеющим в темной воде раворам.

Нам сказали, — вы боги…
И послали к чертям…
Покорять льдисто-звездные дали…
И на этой дороге
Без конца и начал…
Мы себя понемногу теряли…

Голос Сергея, сначала тихий и неуверенный, постепенно окреп, и в нем слышалось что-то эйконовское…

Константин Эрнестович поежился. Неужели с этими ребятами он несколько месяцев назад впервые взглянул в глаза безысходности?

…И начнется все вновь
На задворках Вселенной,
И чужие миры, с ярко-синей травой,
Вдруг вернут нам любовь…
И надежду, и веру…

Что несли мы сквозь время с собой…

Жизнь продолжалась. Потом, спустя века, это назовут историей покорения Галактики, Началом Великой Экспансии, ну а пока это была просто жизнь. И никто из них не думал о величии того, что в муках и страхе, на пределе сил делали они, чтобы выжить, чтобы пробудить спящих людей и вновь научиться любить друг друга.

Светлана, слушавшая окрепший голос Сергея, точно знала только одно: очнись сейчас Антон, он был бы доволен.

17 декабря 1997 года, Псков.